

NEW YORK TIMES БЕСТСЕЛЛЕР

СТО ОТТЕНКОВ ЛЮБВИ

От автора
бестселлера
«МОЕ
ПРЕКРАСНОЕ
НЕСЧАСТЬЕ»

Мое ходячее
НЕСЧАСТЬЕ

Это очень важно: книгу следует читать ПОСЛЕ
«Моего прекрасного несчастья». У нее не самостоятельный
сюжет; она скорее завершает историю Эбби, позволяя нам
ощутить и понять во всей полноте слепую,
безумную любовь Трэвиса.

Goodreads

18+

Джейми Макгвайр

АЗБУКА

Annotation

Любить – так любить. А драться – так драться.

Днем Трэвис Мэддокс усердный студент-правовед, а по вечерам он Бешеный Пес, непобедимый боец подпольной арены. Умирая, его мать завещала: «Выбери девушку, которую нужно будет завоевать, и борись за нее. Никогда не переставай бороться за то, чего ты хочешь добиться».

Но выбирать ему не пришлось – любовь налетела как лавина, как цунами, как ураган. И от привычной беспечной жизни остались руины и пепел.

У каждой такой истории есть две стороны. Эбби Эбернати высказала свою версию случившегося в «Моем прекрасном несчастье». А теперь дадим слово тому, кто еще совсем недавно упивался независимостью и легким успехом у женщин, – и кого повергла на колени неумолимая сила любви.

Джейми Макгвайр

Мое ходячее несчастье

Посвящается Джеффу, моему прекрасному несчастью

На лбу у нее выступил пот, и она прерывисто дышала, но тем не менее казалась мне красивой. Привычный персиковый румянец потускнел, глаза не горели, как раньше, и все-таки она была прекрасна. Такой очаровательной женщины я никогда больше не встречал.

Ее рука свесилась с кровати, пальцы пошевелились. Мой взгляд упал на пожелтевшие ломкие ногти, потом поднялся до исхудавшего плеча и наконец остановился на глазах. Слегка приподняв веки, она дала понять, что видит меня. Я очень любил эту ее черту: глядя на мое лицо, она всегда видела именно меня, а не десятки вещей, которые ей предстояло переделать за день. И она не притворялась, будто слушает мои глупые истории. Она их действительно слушала, и ей было по-настоящему интересно. Другие просто кивали, думая о своем, но только не она. Ее внимание всегда было искренним.

– Трэвис... – Ее голос дрогнул. Она прокашлялась и приподняла уголки рта. – Подойди, малыш. Не бойся, подойди.

Папа дотронулся пальцами до моей шеи и подтолкнул меня вперед, не переставая слушать, что говорила ему сиделка. Он называл ее Беки. Первый раз она пришла к нам несколько дней назад. У нее был ласковый голос и внимательные, пожалуй даже милые, глаза, и все-таки она мне не нравилась. Я не мог объяснить почему, но ее присутствие меня пугало. Я знал, что она, наверное, помогает нам. Тем не менее появление этой женщины в нашем доме не было радостным событием, хотя папа с ней вроде бы вполне ладил.

Почувствовав папино прикосновение, я сделал несколько шажков вперед. Теперь мама могла до меня дотронуться. Она потянулась ко мне и погладила мою руку длинными изящными пальцами.

– Не бойся, Трэвис, – прошептала она. – Мама хочет тебе кое-что сказать.

Я сунул палец в рот и, теребя им десны, нетерпеливо закивал. Заметив, что мамина слабая улыбка стала чуточку шире, я решил почаще махать головой и сделал еще один шаг. Мама собрала оставшиеся силы и, приблизив ко мне лицо, глотнула воздуха.

– То, о чем я тебя попрошу, сынок, сделать будет очень непросто. Но я знаю, ты справишься, ведь ты у меня уже большой.

Я опять кивнул и улыбнулся в ответ на ее улыбку. Мне совсем не было весело, и я даже чувствовал, что не к чему улыбаться, когда мама выглядит такой уставшей и так плохо себя чувствует. Но она радовалась моему храброму виду, и я старался держаться молодцом.

– Трэвис, я очень хочу, чтобы ты меня выслушал и постарался не забыть мои слова. Это будет непросто. Я пыталась вспомнить все, что было со мной, начиная с трех лет, и я... – Она осеклась: боль стала нестерпимой.

– Совсем тяжело, Диана? – спросила Беки, втыкая иголку в мамину вену.

Через некоторое время боль приутихла. Мама еще раз вздохнула и опять заговорила:

– Сделаешь это для меня? Запомнишь, что я скажу?

Я снова кивнул. Она дотронулась до моего лица. Кожа была холодная, пальцы дрожали. Мама смогла продержать руку на весу всего несколько секунд и уронила ее на постель.

– Во-первых, не нужно стыдиться, если тебе грустно. Чувства – это нормально. Во-вторых, постарайся как можно дольше быть ребенком, Трэвис. Веселись, играй, делай глупости. – В маминых глазах блеснул огонек. – Ты, твои братья и папа должны заботиться друг о друге. Даже когда вырастешь и уедешь, не забывай иногда возвращаться домой. Это

важно. Понимаешь? – (Я в очередной раз энергично махнул головой вверх-вниз, стараясь порадовать маму.) – Когда-нибудь ты влюбишься. Не соглашайся на малое. Выбери девушку, которую нужно будет завоевать, и борись за нее. Не переставая. Никогда, – мама сделала глубокий вдох, – не прекращай бороться за то, чего ты хочешь добиться. И никогда, – она сдвинула брови, – не забывай, что мама тебя любит. Даже если ты меня не видишь. – По ее щеке покатила слеза. – Я всегда, всегда буду тебя любить.

Она судорожно вздохнула и закашлялась.

– Достаточно, – сказала Беки, засовывая какую-то смешную штуковину себе в уши и прикладывая ее другим концом к маминой груди. – Пора передохнуть.

– Времени нет, – прошептала мама.

Беки посмотрела на папу:

– Уже совсем скоро, мистер Мэддокс. Наверное, надо позвать остальных мальчиков, чтобы попрощаться.

Папины губы сжались в тугую нитку. Он покачал головой и с усилием выдохнул:

– Я не готов.

– Вы никогда не будете готовы к тому, чтобы потерять жену, Джим. Но ведь вы не хотите, чтобы она ушла, не попрощавшись с мальчиками?

С минуту папа не отвечал. Потом он вытер нос рукавом, кивнул и, тяжело топая, как будто на кого-то рассердился, вышел из комнаты.

Я смотрел на маму. Смотрел, как она пытается дышать и как Беки проверяет непонятные цифры на коробочке, которая лежит рядом с ней. Я дотронулся до маминого запястья. Казалось, глаза сиделки знают что-то, чего не знаю я, и от этого мне было не по себе.

– Понимаешь, Трэвис, – наклонилась Беки, заглядывая мне в глаза, – я дала маме лекарство, от которого она уснет. Но во сне она будет тебя слышать. Поэтому ты можешь сказать ей, что любишь ее, что тебе будет ее не хватать. Она все услышит.

Я посмотрел на маму и быстро мотнул головой:

– Не хочу, чтобы мне ее не хватало.

Беки положила на мое плечо теплую, мягкую ладонь, как всегда делала мама, когда я из-за чего-нибудь расстраивался.

– Она тоже хочет быть здесь, с тобой. Очень хочет. Но Иисус зовет ее к себе.

Я нахмурился:

– Мне она нужнее, чем Иисусу.

Беки улыбнулась и поцеловала меня в макушку.

Папа постучал и открыл дверь. Мои братья стояли по обе стороны от него на пороге. Беки взяла меня за руку и отвела к ним.

Трентон не отрывал глаз от маминой кровати, а Тэйлор и Тайлер, наоборот, смотрели куда угодно, только не туда. Мне немного полегчало оттого, что все они выглядели такими же напуганными, каким я себя чувствовал.

Томас встал рядом со мной, выступив немного вперед: он всегда так становился, защищая меня, когда мы играли во двореке перед домом и соседские мальчишки пытались затеять драку с Тайлером.

– Она плохо выглядит, – сказал Томас.

Папа кашлянул:

– Мама уже давно тяжело болеет, и она... скоро она... – Его голос оборвался.

Беки, сочувственно улыбнувшись, пришла ему на помощь:

– Мама ничего не ест и не пьет. Жизнь покидает ее тело. Это очень тяжело, но пора сказать маме, что вы любите ее, будете по ней скучать и что она может уйти спокойно. Ей важно это знать.

Мои братья синхронно кивнули. Не кивнул только я. Я не считал, что она может спокойно уйти, и мне было все равно, нужна она Иисусу или нет. Это была моя мама. Он мог забрать какую-нибудь другую маму, старую, у которой нет маленьких мальчиков, которой не надо ни о ком заботиться. Я старался запомнить все, что она мне сказала, изнутри приклеить ее слова к своей голове. Играть. Навещать папу. Бороться за тех, кого люблю. Это, последнее, особенно беспокоило меня: я любил маму, но не знал, как за нее бороться.

Беки наклонилась к папиному уху. Он покачал головой и кивнул моим братьям:

– Ладно, ребята. Давайте прощаемся с мамой. Потом ты, Томас, уложишь их всех спать. Им не к чему видеть остальное.

– Да, сэр, – сказал Томас и попытался сделать храброе лицо, но глаза у него были такие же грустные, как у меня.

Он что-то сказал маме, потом подошли Тэйлор с Тайлером и с двух сторон зашептали ей в уши. Трентон долго плакал и обнимал ее. Все они говорили, что она может спокойно уходить. Кроме меня. А мама больше ничего не говорила.

Томас потянул меня за руку, чтобы вывести из маминой спальни. Я шел задом наперед, пока мы не оказались в коридоре. Я попытался представить себе, что мама просто уснула, но от этого только голова закружилась. Брат подхватил меня и понес вверх по лестнице в ванную. Он ускорил шаг, когда сквозь стены проник папин плач.

– Что она тебе сказала? – спросил Томас, открывая кран.

Я не ответил. Слышал вопрос и помнил каждое мамино слово, как она велела, но не мог ни плакать, ни говорить.

Томас через голову стащил с меня забрызганную грязью рубашку, стянул и бросил на пол мои шорты, а потом трусы и майку с паровозиком.

– Давай-ка в ванну, малыш. – Он поднял меня, посадил в теплую воду, намочил губку и провел ею по моей голове. Я не мигнул и даже не попытался увернуться от струек, которые текли мне на лицо, хотя, вообще-то, терпеть не мог купаться. – Вчера мама сказала, чтобы я заботился о тебе, о близнецах и о папе. – Томас сложил руки на краю ванны и, опершись о них подбородком, посмотрел на меня. – Я так и буду делать, ладно, Трэв? Стану о тебе заботиться. Так что не беспокойся. Нам всем очень жалко расставаться с мамой, но ты не бойся: с тобой все будет в порядке. Обещаю.

Я хотел кивнуть и обнять его, но ничего у меня не получилось. Вместо того чтобы бороться за маму, я был наверху, торчал в ванне как истукан. Я уже разочаровывал ее. Собрав в узелок путающиеся мысли, я пообещал, что сделаю все, о чем она мне говорила, когда мое тело снова заработает. Как только грусть пройдет, я буду не переставая играть и не переставая бороться. Это и правда очень трудная задача.

Глава 1

Голубка

Долбаные стервятники. Они могут часами выжидать, когда ты им достанешься. Сидят над тобой целыми днями. И ночами. Пялятся на тебя, выбирая, какой кусок твоего тела будет удобнее ухватить, где мясо самое вкусное, самое нежное.

Только одного они не знают: жертва может притворяться. Этот трюк всегда застаёт их врасплох. Они ждут себе, ни о чем не подозревая. Думают, ты вот-вот подохнешь, нужно только проявить терпение. И тут ты наносишь удар своим секретным оружием: отказываешься уважать статус-кво, отказываешься подчиняться существующему порядку. То, что тебе наплевать на этих хищников, просто парализует их.

Противники на ринге, всякие вонючие козлы, осыпаящие тебя оскорблениями в надежде, что ты дашь слабину, женщины, норовящие связать тебя по рукам и ногам, – ничем таким меня не удивить.

Я с юности вел себя очень осторожно, старался не попадаться в когти всем этим сволочам. Знал много идиотов, которые распускали нюни и отдавали себя с потрохами, стоило какой-нибудь алчной девице притворно улыбнуться или поплакаться им в жилетку. Пожалуй, я один плыл против течения. Я был не таким, как эти доверчивые бедняги, которым, думаю, приходилось очень нелегко. Мне куда проще было подавить свои эмоции, замаскировать их молчанием или злобой, ведь ее я худо-бедно научился контролировать, в отличие от тех, других чувств, которые делают человека таким уязвимым. Много раз я объяснял это своим родственникам и друзьям, но они слушали с явным неодобрением. Я нередко видел, как кто-нибудь из них мучится и теряет сон из-за тупой сучки в сексапильном прикиде, хотя ей на всех, кроме себя, наплевать, и всегда удивлялся, почему со мной упорно не хотят соглашаться. Женщина, которая стоит таких страданий, не станет кидаться тебе на шею. Не позволит затащить себя в постель в первый же вечер. И даже на десятый вечер не позволит.

Моих теорий никто не признавал, потому что они противоречили существующему положению вещей. Ты встречаешь привлекательную девушку, занимаешься с ней сексом, влюбляешься до потери сознания, а потом все рушится и ты страдаешь – таков был общепринятый порядок, которому все подчинялись.

Но только не я. Ни в коем случае. Чихать я на него хотел.

Я давно решил, что буду кормиться за счет стервятников, пока не прилетит голубка. Существо, которое не идет по чужим головам и, устраивая свою жизнь, не приносит никого в жертву собственным привычкам и интересам. Женщина смелая. Открытая. Умная. Красивая. Мягкая. С которой можно связать свою жизнь навсегда. Которая останется неприступной до тех пор, пока у нее не появятся основания тебе доверять.

Я стоял у открытой двери своей квартиры, стряхивая пепел с почти докуренной сигареты. Перед глазами то и дело возникала та девушка в забрызганном кровью розовом кардигане, которая выскочила на арену во время боя. Ни секунды не раздумывая, я назвал ее Голубкой. От такого странного обращения она совсем растерялась. Алые капельки на лице, широко раскрытые глаза... Казалось, она сама невинность, но я знал, что это только маска. Стараясь отогнать мысли о ней, я тупо посмотрел в сторону гостиной.

Меган, лениво разлегшись на диване, смотрела телевизор. Явно скучала, и я удивился, что она до сих пор здесь. Обычно собиралась и сваливала, как только мы трахнемся.

Я открыл дверь пошире, петли жалобно скрипнули. Я кашлянул и подобрал с полу рюкзак:

– Меган, я ухожу.

Она села, потянулась и взялась за серебристую цепочку огромного ридикюля: у нее небось и барахла-то столько не было, чтобы набить сумочку такого внушительного размера. Повесив ее на плечо, сунула ноги в босоножки на высоком каблуке и вальяжно направилась к двери.

– Пришли эсэмэску, если заскучаешь, – сказала она, даже не взглянув на меня, потом надела солнцезащитные очки с большими стеклами и спустилась по ступенькам, нисколько не смущенная тем, что я ее выпроводил.

Эта девица всегда была такой невозмутимой, потому-то и стала одной из моих немногочисленных постоянных подружек. Она не изображала преданности, не устраивала сцен. Воспринимала наши взаимоотношения как есть и, разделавшись со мной, шла дальше по своим делам.

Мой «харлей» поблескивал на утреннем осеннем солнце. Я подождал, пока Меган не отъедет от дома, и сбежал по лестнице, на ходу застегивая куртку. Лекция доктора Рузера начиналась через полчаса, но ему было до фонаря, опоздаю я или нет. А раз он не злился из-за опозданий, то и не стоит нестись во весь опор, рискуя убиться.

– погоди! – раздалось у меня за спиной. На пороге нашей квартиры стоял Шепли. Он был без рубашки и, подпрыгивая на одной ноге, напяливал на другую носок. – Забыл спросить тебя вчера: что ты сказал Мареку? Там, на ринге, ты ему что-то шепнул, и он от этого как будто язык проглотил...

– Я шепнул ему, что его мамаша – бешеная кошка, и поблагодарил за то, что несколько недель назад он убрался из города.

Шепли посмотрел на меня с сомнением:

– Да ладно! Брось!

– Ну хорошо. Я слышал от Кэми, что в округе Джоунс Марек вляпался по статье «Употребление алкоголя несовершеннолетними».

Шепли покачал головой, а потом кивнул в сторону дивана:

– Разрешил Меган остаться на ночь?

– Нет, Шеп, ты же меня знаешь!

– Просто забежала с утраца перепихнуться перед занятиями? Видно, ей приятно, что ты у нее сегодня первый, а другие будут подбирать за тобой остатки.

– Думаешь, ей не все равно?

– Может, и нет. Это же Меган, кто ее знает? Слушай, мы с Америкой как раз едем в кампус. Могу тебя подхватить.

– Нет, присоединюсь к вам попозже, – сказал я, надевая очки. – Хочешь, я подвезу твою Мерик?

Он скривил физиономию:

– Хм... Нет.

Я уселся на мотоцикл и завел двигатель, посмеиваясь над тем, как Шеп отреагировал на мои последние слова. Частенько я соблазнял подружек его девчонки, но существовала черта, которую ни за что бы не пересек. Америка была его. Стоило ему проявить к девушке

интерес, и она тут же оказывалась вне поля действия моих радаров. Больше я на нее даже не смотрел. И он это знал. Просто любил иногда повыделываться.

Я встретил Адама в «Сигме Тау». Он руководил нашими подпольными боями. Мы договорились, что сразу же после победы я получаю первую выплату, а на следующий день он собирает выручку от тотализатора и берет из нее долю за свои хлопоты. Он все организовывал, а я бил противников. У нас с Адамом были сугубо деловые отношения, и обоим хотелось, чтобы все оставалось предельно ясным. Я не доставал его, покуда он мне платил, а он не доставал меня, покуда ему была дорога собственная задница.

Я направился через кампус к столовой. Как только подошел к двойным металлическим дверям, передо мной нарисовались Лекси и Эшли.

– Привет, Трэв, – сказала Лекси, приосанившись.

Из ее розовой кофточки выглядывали идеально загорелые силиконовые груди. Как-то раз я позарился на эти великолепные подпрыгивающие холмы и трахнул ее, но повторять не хотелось. Сейчас ее голос напомнил мне звук, который издает сдувающийся шарик. После меня, на следующую ночь, за нее взялся подонок Нейтан.

– Привет, Лекс.

Я отщипнул горящий кончик сигареты, бросил ее в урну и быстро прошел мимо девиц в двери столовой. Не то чтобы мне не терпелось полакомиться вялыми овощами, сухим мясом и перезрелыми фруктами. Просто – боже мой! – у Лекси был голос, от которого собаки выли, а дети оживлялись, думая, что заговорил какой-то персонаж из мультика.

Не обращая внимания на мою неприветливость, девчонки вошли следом за мной. Я окликнул Шепу и кивнул ему. Он был с Америкой, вокруг них сидели люди, все смеялись. Напротив него я заметил вчерашнюю Голубку. Она ковыряла что-то пластиковой вилочкой. Мне показалось, мой голос привлек внимание девушки, и, плюхнув свой поднос в конце стола, я почувствовал на себе взгляд ее больших глаз.

Лекси хихикнула, и я с трудом сдержал закипавшее раздражение. Когда я сел, она решила использовать мое колено вместо стула.

Несколько парней из футбольной команды, которые сидели за нашим столом, воззрились на нас, затаив дыхание, – похоже, две глупые потаскушки, бегающие за парнем, вызывали у этих бедняг непреодолимое влечение.

Лекси скользнула рукой под стол и впиалась пальцами в мое бедро, а потом поползла вверх по шву моих джинсов. Я немного раздвинул колени и стал ждать, когда она подберется к своей цели. В этот момент до нас донеслось громкое бормотание Америки:

– Кажется, меня сейчас вырвет!

Лекси повернулась к ней, напрягшись всем телом:

– Эй ты, дрянь, я все слышала!

Мимо физиономии Лекси пролетела булочка. Мы с Шепли обменялись взглядами. Тогда я резко отодвинул колено в сторону, и Лекси плюхнулась задницей на пол. Надо признаться, в звуке, который издало ее тело, шлепнувшись о керамическую поверхность, было что-то возбуждающее.

Лекси ушла без особенных жалоб и стонов. Шепли, кажется, одобрил мой поступок, и мне этого было достаточно: мнение других меня мало волновало. Я уже устал терпеть девиц вроде этой куклы. Всегда старался придерживаться одного правила: уважать себя, членов своей семьи, друзей. Черт, даже мои враги иногда заслуживали уважения. А с людьми, которых уважать не за что, лучше общаться как можно меньше. Женщины, которые

приходили ко мне в квартиру, наверное, упрекнули бы меня в лицемерии. Но ведь если бы они держались с достоинством, то и я их никогда не оскорблял бы.

Я подмигнул Америке (вид у нее был довольный) и кивнул Шепли, а потом принялся за содержимое своей тарелки.

– Неплохо ты сработал вчера на ринге, Бешеный Пес! – сказал Дженкс, подбрасывая гренок.

– Заткнись, тупица, – пробормотал Брэзил вполголоса. – Если Адам узнает, что ты вякаешь, вообще больше не подпустит тебя к арене.

– Ладно-ладно, молчу, – ответил Дженкс, пожимая плечами.

Я выбросил остатки своего обеда в мусорницу и вернулся на место.

– А еще не надо меня так называть, – хмуро произнес я.

– Как? Бешеным Псом?

– Да.

– Почему? Разве ты не под этим именем выступаешь? Я думал, это твой псевдоним, вроде как у стриптизеров бывает.

Я смерил Дженкса взглядом:

– Заткнись! Целее будешь.

Я всегда недолюбливал этого мелкого червяка.

– Конечно, Трэвис. Спасибо за совет. – Он нервно усмехнулся и, собрав свои объедки на поднос, вышел из-за стола.

Скоро столовая опустела. Но Шепли и Америка были еще тут. Она разговаривала со своей подругой. У этой девушки были длинные волнистые волосы, с кожи еще не сошел летний загар. Грудь – ничего особенного, видал и побольше, но вот глаза... Этот странный серый цвет как будто мне о чем-то напоминал. Раньше я ее совершенно точно не встречал, и все-таки это лицо казалось отдаленно знакомым.

Я встал и подошел поближе. У нее была прическа как у порнозвезды и ангельская мордашка. В первый раз увидев эти удивительные миндалевидные глаза, кроме красоты и фальшивой невинности, я заметил в них что-то еще, холодное и расчетливое. Даже когда девушка улыбалась, мне думалось, она насквозь порочна и никакой кардиган этого не спрячет. Любому другому человеку этот крошечный носик, эти плавные черты и большие глаза, как будто освещающие все лицо, показались бы воплощением наивности. Но я знал: она что-то прячет. Мне ли этого не заметить! Сам ведь не ангел. Только я регулярно выпускаю на волю то, что она скрывает глубоко внутри.

Я посмотрел на Шепли. Почувствовав мой взгляд, он обернулся. Я кивком указал ему на Голубку и, беззвучно шевеля губами, спросил: «Кто это?» В ответ он только озадаченно нахмурился. «Вон та!» – снова кивнул я. Физиономия Шепли скривилась в тупой улыбке, которая ужасно меня бесила. Он всегда так скалился, когда собирался подложить мне свинью.

– Чего? – спросил он гораздо громче, чем было нужно.

Девушка, ясное дело, поняла, что я спрашивал о ней. Она опустила голову и сделала вид, будто не слышит нас.

Проведя шестьдесят секунд в присутствии Голубки, я понял две вещи. Она не слишком болтлива. А раз помалкивает, значит боится показать, какая она на самом деле стерва. Только вот не знаю, к чему мне до всего этого докапываться. Она изображает тихоню, чтобы к ней не приставали такие придурки, как я. Может, именно это меня и подзадоривает.

В третий или в четвертый раз она посмотрела в мою сторону и закатила глаза. Я ее раздражал, и мне это показалось очень забавным. Ведь девушки нечасто развлекали меня, демонстрируя такую неприкрытую враждебность, – даже если я выставлял их за дверь.

Увидев, что мои самые обворожительные улыбки не работают, я решил сменить тактику:

– У тебя нервный тик?

– Что?

– Тик. Глаза все время дергаются.

Если бы она могла убивать взглядом, я бы точно валялся на полу в луже крови. Подумав об этом, я рассмеялся. Ей палец в рот не клади! Та еще злюка! С каждой секундой эта девчонка нравилась мне все больше и больше. Я наклонился к ее лицу:

– Кстати, глазенки у тебя очень даже ничего. Только вот не пойму, какого цвета. Серые, что ли?

Она быстро опустила голову, так что лицо спряталось под волосами. Один – ноль в мою пользу. Она смутилась, значит я на верном пути.

Тут к нам подскочила Америка. Почуяла опасность и решила предостеречь подругу. Упрекать Мерик было нельзя: она видела бесконечную вереницу девиц, которые заходили в мою квартиру, а потом выходили и никогда не возвращались. Мне не хотелось злить девушку Шепа, да она, похоже, и не злилась. По-моему, ей даже прикольно было, что я, оказывается, могу флиртовать.

– Ты не в ее вкусе.

Я разинул рот, подыгрывая Америке:

– Как?! Разве я не на любой вкус хорош?

Голубка бросила на меня взгляд и усмехнулась. В этот момент по моему телу пробежало что-то теплое. Наверное, попросту чертовски захотелось швырнуть ее на мой диван. Она не похожа на моих предыдущих девиц, а разнообразие – это приятно.

– Улыбнулась! Ну надо же! – Я назвал ее улыбку просто улыбкой, и это меня даже слегка покорило, ведь на самом деле я за всю свою жизнь не видел ничего более красивого. И все-таки не стоило заваливать игру, в которой я только что начал одерживать верх. – Имей в виду, я не какой-нибудь вонючий подонок. Рад был познакомиться с тобой, Голубка.

Я поднялся с места, обошел стол и, наклонившись, сказал Америке на ухо:

– Помоги мне! Буду вести себя хорошо, честное слово!

Тут мне в физиономию полетел кусочек жареной картошки.

– Эй, Трэв! Что это ты там шепчешь моей девушке?

Я отошел на почтительное расстояние и поднял руки, подчеркивая полнейшую невинность своих намерений:

– Ничего, ничего! У нас чисто деловой разговор!

Пятясь, я сделал несколько шагов к двери. У входа, с противоположной стороны, заметил группку девчонок. Только я потянул за ручку, они, не давая мне выйти, рванули внутрь, как стадо буйволов.

Давненько я не решал таких интересных задачек, как с этой Голубкой. Мне самому это казалось странным, но я не собирался с ней спать. Я боялся, что она решит, будто я обычный кусок дерьма. И само то, что меня это беспокоит, беспокоило меня еще сильнее. Впервые за долгое время я встретился с девушкой, которая вела себя непредсказуемо, – наверное, в этом и было все дело. Голубка казалась полной противоположностью остальным девчонкам «Истерна», и я должен был выяснить, что она собой представляет.

Аудитория была набита битком. Шагая через ступеньку, я поднялся на свой ряд и стал пробираться через толпу голоногих девиц, которые окружили мое место.

– Дамы, – кивнул я.

Они зажужжали и все как одна вздохнули. Хищницы. Половину из них я оприходовал на первом курсе, а другую половину – на втором, причем задолго до осенних каникул. Исключение составляла только София – девица, которая сидела в конце ряда. Она состряпала мне широкую кривую улыбку. Ее лицо было похоже на кусок мяса, который загорелся и его вилкой вытащили из костра. София спала с несколькими из моих «братьев» по студенческому обществу. Зная их «спортивные достижения» и ее безбашенность, я решил, что, как бы осторожно я себя ни вел, путаться с ней – неоправданный риск.

Она подалась вперед и оперлась на локти – так ей было удобнее стрелять в меня глазами. Я еле удержался, чтобы не содрогнуться от отвращения. «Нет уж. Она даже этого не заслуживает», – подумал я.

Брюнетка, стоявшая передо мной, обернулась и, хлопая ресничками, проговорила:

– Привет, Трэвис! Я слышала, в «Сигме Тау» намечается вечеринка для пар?

– Нет, – тут же отрезал я.

Она выпятила нижнюю губку:

– Но... когда ты мне про это сказал, я подумала, что, может, ты захочешь пойти...

Я усмехнулся:

– Просто брюзжал, а ты приняла это за приглашение?

Блондинка, которая стояла рядом, наклонилась ко мне:

– Всем известно, что Трэвис Мэддокс не ходит на вечеринки для пар. Зря стараешься, Крисси.

– Да неужели? – нахмурилась брюнетка. – А тебя вообще никто не спрашивал!

Пока девицы переругивались, в аудиторию влетела Эбби, Голубка. Как только она успела добежать до своего места в первом ряду, прозвенел звонок.

Сам не зная зачем (времени на раздумья у меня не было), я сгреб свои тетради в охапку, сунул ручку в зубы и, трусцой спустившись по ступенькам, сел рядом с Эбби.

Замешательство, появившееся на ее лице, не просто позабавило меня. По какой-то непонятной причине я почувствовал прилив адреналина, почти как перед боем.

– Отлично. Будешь все для меня записывать.

Она рассердилась, но меня это нисколько не смутило. Наоборот. С другими девчонками я с ума сходил от скуки, а с этой мне было интересно. Даже весело. Я к ней вроде и не приставал. По крайней мере, не открыто. Но казалось, что от одного моего вида ее тошнит, и меня это почему-то к ней привлекало.

Мне не терпелось выяснить, действительно ли я ей противен, или она просто такая колючая штучка. Я наклонился к ней:

– Извини... Я тебя чем-то обидел?

Ее взгляд смягчился, и она покачала головой. Она меня не ненавидела. Хотела ненавидеть, но у нее не получалось. Ладно. Если решила со мной поиграть, то я готов. У меня огромное преимущество.

– Тогда в чем же дело?

Думаю, она сама обалдела от неожиданности, когда ответила:

– Я не собираюсь с тобой спать. Так что лучше брось все это прямо сейчас.

Здорово! С Голубкой явно не соскучишься!

– Но я ведь, кажется, не предлагал тебе переспать со мной? – Я уставился в потолок, делая вид, что пытаюсь припомнить, не ошибаюсь ли. – Может, придешь к нам сегодня вечером вместе с Америкой? – (Эбби скривила губку, как будто почувствовала запах гнилья.) – Я даже флиртовать с тобой не буду, клянусь.

– Я подумую.

Я старался не улыбаться: ей незачем видеть, как меня забавляет наш разговор. Да уж, она не брякнется на мой диван, как девицы, которые сидели позади нас. Я обернулся: все они сверлили глазами ее затылок. Эти оторвы не хуже моего знали, что Эбби не такая, как они. В кои-то веки я встретил девушку, за которую придется побороться.

Три рисунка для будущих татуировок, десятки параллелепипедов на полях тетради – вот уже и звонок. Я успел проскочить коридор, прежде чем кто-нибудь попробовал бы меня задержать. Прошел дистанцию очень даже неплохо, но Эбби каким-то образом вырвалась вперед: когда я выскочил во двор, она была уже там, как минимум ярдах в двадцати от меня.

Черт! Она пыталась от меня сбежать. Я ускорил шаг и догнал ее:

– Ну что? Подумала?

Тут не пойми откуда возникла какая-то девчонка.

– Трэвис! – воскликнула она, накручивая волосы на палец.

Эбби удалялась от меня, а я застрял возле этой дуры.

Несколько секунд пришлось слушать ее болтовню. Наконец я не выдержал:

– Извини... э-э-э...

– Хэтер.

– Извини, Хэтер... Я... Мне нужно идти.

Девица обвила меня руками. Я похлопал ее по заду и, высвободившись, пошел дальше, пытаюсь вспомнить, кто же она такая.

Прежде чем мне это удалось, впереди показались длинные загорелые ноги Эбби. Я подбежал к ней, сунув в рот сигарету:

– Так на чем я остановился? Ах да! Ты подумала над моим предложением?

– Каким предложением?

– Зайти ко мне.

– Если я соглашусь, ты отстанешь?

Я немного помолчал, изображая раздумья, и кивнул:

– Да.

– Хорошо, я зайду.

А она не дура. Наверняка сказала это, просто чтобы от меня отделаться.

– Когда?

– Сегодня. Сегодня вечером.

Я растерялся. Эбби явно что-то задумала, а я никак не ожидал, что она перейдет в наступление.

– Прекрасно, – сказал я, пытаюсь скрыть удивление. – Тогда до скорого, Голубка.

Она зашагала дальше, ни разу не обернувшись, как будто не придавала нашему разговору ни малейшего значения, и вскоре затерялась в толпе студентов.

В поле моего зрения показалась белая бейсболка с университетской эмблемой. Это Шепли шел на информатику и, похоже, не очень-то спешил. Я нахмурился: дурацкий предмет. Можно подумать, кто-то из нас до сих пор не умеет пользоваться этим долбаным

компьютером!

Я присоединился к Шепли и Америке, и мы вышли на главную аллею, вливаясь в общий студенческий поток. Шеп твякнул на меня, а Мерик хихикнула и посмотрела на него влюбленными глазами. Она не была хищницей. Она была сексуальной девушкой, которая при этом не вставляла «как бы» через слово и иногда казалась очень даже занятой. Мне понравилось, что после их с Шепли первого свидания она долго не появлялась у нас дома. Через несколько недель пришла, и они в обнимку смотрели фильм, а потом она вернулась к себе в общагу. Но все-таки скоро их испытательный период должен закончиться. По-моему, ждать Шепу осталось недолго.

– Привет, Мерик, – кивнул я.

– Как дела, Трэв? – спросила она и дружелюбно улыбнулась, но ее взгляд тут же опять примагнитился к Шепли.

Моему двоюродному брату повезло: такая девушка – большая редкость.

– Мне туда, – сказала Америка и махнула рукой: за углом было ее общежитие.

Она обняла Шепу за шею и поцеловала его. Он обеими руками схватил ее за рубашку и притянул к себе. Уходя, Мерик помахала нам обоим и вместе со своим другом Финчем, которого встретила в дверях, вошла в общагу.

– Запал на нее, да? – спросил я, ткнув Шепу кулаком в плечо.

Он толкнул меня:

– Не твоё дело.

– А сестрички у нее, случайно, нет?

– Она единственный ребенок в семье. И подружек ее тоже оставь в покое. Я серьезно, Трэв.

Последнее уточнение показалось мне излишним. Мысли и чувства Шепли почти всегда были написаны у него на лбу, причем здоровенными буквами. Поэтому я и не сомневался, что он сейчас не шутит. Скорее, он был на грани отчаяния. Мой братец не просто запал на девушку. Он влюбился.

– Ты имеешь в виду Эбби?

Он нахмурился:

– Я имею в виду всех ее друзей, даже Финча. Держись от них подальше.

– Старик! – Я обхватил его локтем за шею. – Да ты, кажется, втюрился! Ой как трогательно! Сейчас расплачусь!

– Заткнись! – проворчал Шепли. – Просто пообещай, что будешь держаться подальше от ее знакомых.

Я ухмыльнулся:

– Извини, не могу ничего обещать.

Глава 2

ОТВЕТНЫЙ ОГОНЬ

– Что это ты делаешь? – спросил Шепли.

Он стоял посреди комнаты. В одной руке кеды, в другой – пара несвежего белья.

– Прибираюсь, – ответил я, запихивая грязные бокалы в посудомоечную машину.

– Вижу, но... с чего это вдруг?

Я отвернулся от Шепли, пряча улыбку:

– Жду гостей.

– Каких еще гостей?

– Голубку.

– Голубку?

– Эбби, Шеп. Я пригласил Эбби.

– Нет, только не это! Я ведь просил тебя, старик! Ты же мне все испоганишь!

Я повернулся к нему и сложил руки на груди:

– Я помню, о чем ты меня просил, Шеп. Но честное слово, я ничего не смог с собой поделаться. Даже не знаю... – Я пожал плечами. – В ней что-то такое есть.

У Шепли заходили желваки, и он, хлопнув дверью, потопал в свою комнату.

Загрузив посудомойку, я принялся шарить по дивану: вдруг между подушками завалилась пустая обертка от презерватива? Мне не очень-то нравилось объяснять девушкам, как это здесь оказалось. Конечно, ни для кого не тайна, что я поимел чуть ли не всю прекрасную половину «Истерна», но не стоило так уж прямолинейно напоминать гостье, для чего я ее пригласил. В этом деле важна правильная подача.

Ну а Голубка... С ней мои обычные приемчики явно не сработают. Тут требуется тщательно продуманная стратегия. Пока я решил только, что на каждом свидании мы с ней будем продвигаться на один шаг. Если чересчур сосредоточиться на конечном результате – это может все испортить. Она ведь наблюдательная и далеко не наивная. Думаю, по сравнению с ней даже я младенец. Так что действовать надо очень осторожно.

Я был у себя в спальне, разбираю грязное белье, когда вдруг услышал, как открылась входная дверь. Обычно Шепли, узнав по звуку, что Америка подъехала к дому, шел ее встречать.

Какая прелесть!

Послышалась воркотня, потом закрылась дверь в комнату Шепли. Значит, пора. Я вышел в гостиную и увидел Эбби: она была в очках, волосы собраны на макушке, а наряд – нечто вроде пижамы. Казалось, этот предмет гардероба долго валялся на самом дне бельевого корзинки.

Я с трудом удержался, чтобы не расхохотаться. Еще ни одна особь женского пола не появлялась у меня дома в таком роскошном прикиде. Входная дверь моей квартиры повидала много: джинсовые юбки, платья... Одна девица даже заявила ко мне в прозрачном куске материи, надетом прямо поверх стрингов. Многие приходили наштукатуренные и в блестках. Но в пижаме – еще никто.

Теперь-то я понял, почему она так легко согласилась прийти. Думала, от ее вида меня затошнит и я отстану. Но не тут-то было: так она выглядела даже еще сексуальнее.

Безупречная кожа не нуждалась ни в каком макияже, а очки только подчеркивали красоту глаз.

– Что-то ты припозднилась! – сказал я, падая на диван.

Похоже, поначалу она страшно гордилась своим замыслом, но я разговаривал с ней совершенно невозмутимо, и она поняла, что план провалился. Чем мрачнее она становилась, тем труднее мне было не расплыться в улыбке. Нелегко сохранять серьезную мину, когда так весело!

Через десять минут к нам вышли Шепли с Америкой. Эбби нервничала, а я был просто в восторге. Сначала она усомнилась в том, что я умею писать, а потом принялась выяснять, откуда у меня склонность к борьбе. Мне даже понравилось говорить о таких простых вещах. Это оказалось куда приятнее, чем объяснять девушке, что я прошу ее уйти сразу же, как только дело будет сделано: она тебя не понимает, а тебе нужно до нее достучаться, хотя твоя просьба вряд ли ей понравится.

– Ты давно занимаешься карате? Кто научил тебя драться?

Когда Эбби задала этот вопрос, Шепли и Америка почему-то напряглись. Ну а я несколько. Я мало говорил о детстве, но это не значило, что я чего-то стыдился.

– У моего отца были проблемы с алкоголем. И ужасный характер. Ну а четверо моих старших братьев пошли в него. У них-то я и научился всему.

– А... – сказала она просто.

Щеки у нее порозовели, и у меня вдруг кольнуло в груди. Я не понял, в чем дело, но стало слегка не по себе.

– Не смущайся, Голубка. Отец бросил пить, а братья подросли.

– Я и не смущаюсь.

Но, судя по всему, она все-таки смутилась. Я стал усиленно соображать, как бы сменить тему, и решил, что ее забавный неряшливый вид – прекрасный повод для подкола. Голубкино смущение тут же сменилось раздражением, а это было для меня куда привычнее.

Америка предложила посмотреть телевизор, но мне такое предложение не понравилось: сидеть с Эбби в одной комнате и при этом молчать! Я встал:

– Ты, наверное, проголодалась, Голубка?

– Нет, я уже поела.

Америка нахмурилась:

– Когда это ты успела? Ой, верно. Я забыла: ты ведь перекусила... пиццей... прямо перед тем, как мы выехали из дому.

Эбби снова смутилась, но вскоре злость взяла верх над смущением. Похоже, это ее обычный расклад, который я уже неплохо изучил.

Мне еще никогда так сильно не хотелось остаться с девушкой наедине – причем с девушкой, которую я не собирался затащить на диван. Я открыл дверь и как можно непринужденнее сказал:

– Да ладно, тебе пора чего-нибудь пожевать. Поехали.

– Куда? – спросила она.

Ее осанка вдруг стала менее горделивой.

– Куда хочешь. Может, в пиццерию?

Тут я сам внутренне съезжился: как бы не перегнуть! Эбби посмотрела на свои растянутые штаны:

– Но я не совсем подходяще одета...

Ей даже в голову не приходило, как она хороша. В таком наряде она нравилась мне даже больше, чем раньше.

– Перестань, все нормально. Идем, а то я подыхаю с голоду.

Как только она уселась позади меня на «харлей», ко мне наконец-то вернулась способность логически мыслить. Во время езды на мотоцикле мне вообще хорошо думалось. Коленки Эбби сжимали мои бедра, и это, как ни странно, тоже подействовало успокаивающе. Напряжение почти совсем отпустило.

Ощущение, которое вызвало во мне ее прикосновение, оказалось довольно необычным. Оно мне не то чтобы понравилось... Просто я постоянно чувствовал, что она рядом, и это одновременно умиротворяло и волновало. Нужно собраться, – может, Эбби и Голубка, но она всего лишь девчонка, и нечего из-за нее сопли распускать.

К тому же под ангельской внешностью она наверняка что-то скрывает. Видимо, ее уже обжег кто-то вроде меня – отсюда и неприязнь. Но она совершенно точно не шлюха. Даже не шлюха улучшенного образца, каких много (я их чую за целую милую). Мой боевой настрой стал потихоньку слабеть. Я наконец-то нашел девушку, которую хочется узнать поближе, но парень наподобие меня уже причинил ей боль. Пусть мы были едва знакомы, я бесился при мысли о том, что мою Голубку кто-то обидел. И теперь она ассоциирует меня с тем засранцем – это еще хуже.

Я резко затормозил: мы подъехали к пиццерии. В пути я так и не успел привести в порядок содержимое своей башки. Даже о скорости некогда было думать. Поэтому, как только я остановил мотоцикл, Эбби соскочила – и в крик. А я не мог не рассмеяться:

– Это был допустимый максимум.

– Да! Для автобана!

Она рывком распустила длинные волосы, собранные в забавный пучок, и расчесала их пятерней. Потом снова собрала и закрутила. А я не мог оторвать от нее глаз, – наверное, именно так она обычно выглядела по утрам, когда вставала с постели... Чтобы отвлечься, я стал прогонять у себя в голове первые десять минут фильма «Спасти рядового Райана». Кровь. Крики. Вспоротые животы. Гранаты. Артиллерийские залпы. Опять кровь.

Я открыл дверь:

– Не бойся, Голубка. Со мной ты в безопасности.

Эбби сердито протопала внутрь, не обратив ни малейшего внимания на мой галантный жест. А ведь она была первая девушка, ради которой я снизошел до роли швейцара.

Войдя в пиццерию вслед за Эбби, я направился к своему любимому угловому диванчику. В середине зала, за несколькими столами, сдвинутыми вместе, заседали парни из футбольной команды. Они тут же просекли, что у меня свидание, и не оставили это без комментариев. Я сжал зубы. Мне не хотелось, чтобы Эбби слышала их вопли.

Чуть ли не впервые в жизни я показался себе каким-то неловким. Но вскоре замешательство прошло. Эбби села напротив меня – злая, раздраженная, – и ко мне вернулась прежняя веселая самоуверенность.

Я заказал два пива. Официантка внаглую со мной заигрывала, и на Голубкином лице появилось брезгливое выражение. Я разозлил Голубку, хотя даже и не старался.

– Часто здесь бываешь? – процедила она, косясь на официантку.

Черт, Эбби, кажется, ревнует! А может, и нет... Может, ей просто противно смотреть, как женщины на меня вешаются. Такое тоже вполне вероятно. Эх... От этой девчонки голова идет кругом!

Я постарался принять невозмутимый вид и, опершись локтями о стол, небрежно проговорил:

– Ну что, Голубка, может, расскажешь о себе? Ты ненавидишь мужчин вообще или только меня?

– Пожалуй, только тебя.

Я издал смешок:

– Надо же! И за что такая честь? Кстати, ты первая девушка, которая возненавидела меня до того, как мы занялись сексом. А еще ты не суетишься, когда разговариваешь со мной, и не пытаешься привлечь мое внимание.

– Я не притворяюсь. Ты мне действительно не нравишься.

Неплохо!

– Если бы я тебе не нравился, ты бы сейчас здесь не сидела.

Моя настойчивость принесла свои плоды: Эбби перестала хмуриться, морщинки вокруг глаз разгладились.

– Ты, может, и неплохой человек: я ничего такого не говорила. Просто не люблю, когда обо мне судят только по тому, что я женщина. Женщины разные, и если у меня есть влагалище – это еще не основание для каких-то выводов.

Тут я уже не мог сдерживаться: сначала давился от смеха, а потом заржал во всю глотку. Так, значит, Эбби не считала меня законченным подонком. Просто ей не нравилось, как я обставляю свои отношения с женщинами. Это легко уладить. Я почувствовал огромное облегчение и захохотал так, как не хохотал уже несколько лет. А может, даже никогда.

– О господи, Голубка! Я от тебя просто балдею! Мы с тобой должны подружиться! И пожалуйста, не спорь: возражения не принимаются.

– Я не против того, чтобы дружить. Но это не значит, что ты можешь каждые пять секунд пытаться залезть мне в трусы.

– Ты не собираешься со мной спать. Я помню.

Ура! Она улыбнулась. Эта улыбка открыла передо мной целое море заманчивых возможностей. У меня в мозгу уже замелькали порнографические картинки, но я вовремя затормозил: обидно было бы сразу прервать нашу странную дружбу, которая едва завязалась. Я улыбнулся Эбби в ответ:

– Приставать не буду, можешь мне поверить. Обещаю даже не думать про твои трусы... пока ты сама этого не захочешь.

Она наклонилась вперед, опершись о свои локотки. Мой взгляд, конечно, тут же приклеился к ее груди, прижатой к краю стола.

– А этого никогда не произойдет. Ладно, считай, что мы друзья, – отрезала Эбби. Это был вызов, и я его принял. – Теперь ты расскажи о себе. Ты всегда был Трэвисом Мэддоксом по кличке Бешеный Пес или стал им уже здесь? – Произнося это мерзкое прозвище, она изобразила в воздухе кавычки средним и указательным пальцами обеих рук.

Я съежился:

– Нет. Адам окрестил меня так после первого боя.

Я ненавидел это погоняло, но оно прилипло накрепко. Всем, кроме меня, понравилось, и на ринге меня продолжали так называть.

Повисла неловкая пауза. Потом Эбби снова заговорила:

– Ладно. Ну а больше ничего не расскажешь?

Я не понял: ее не смущает, что меня зовут Бешеным Псом, или она просто приняла мои

объяснения? Не предугадать, когда она будет шокирована или рассержена, а когда проявит спокойствие и рассудительность. Но, черт подери, мне это даже нравилось!

– А что бы ты хотела узнать?

Эбби пожала плечами:

– То, что люди обычно друг другу рассказывают: откуда ты, кем хочешь стать, когда вырастешь, ну и так далее.

Я изо всех сил старался не выглядеть скованным. Я не очень любил говорить о себе, особенно о своем прошлом. Сказал что-то обтекаемое, надеясь побыстрее закрыть тему. Тут кто-то из футболистов громко сострил. Самому мне было наплевать, я просто боялся, что Эбби услышит и поймет, о чем речь... Хотя ладно, признаюсь: даже не будь рядом Голубки, я все равно пришел бы в бешенство.

А она продолжала задавать вопросы о моей семье, о моей специальности. Я отвечал рассеянно, с трудом удерживаясь, чтобы не вскочить и не вышвырнуть всех этих придурков. Чем сильнее я закипал, тем тяжелее мне было концентрироваться на разговоре.

– Чего они смеются? – наконец спросила Эбби, кивнув в сторону развеселой компании.

Я покачал головой.

– Скажи, – не отставала она.

Я сжал губы в нитку: если Голубка сейчас уйдет, второго шанса у меня может и не быть, а у этих жеребцов появится новый повод для веселья. Эбби смотрела на меня, ожидая ответа. Да уж, дело дрянь!

– Они смеются из-за того, что я сперва привел девушку поужинать, а это... не совсем на меня похоже.

– Сперва?

Голубкино лицо окаменело. Похоже, до нее дошел смысл моих слов, и теперь она пришла в ужас оттого, что оказалась здесь со мной. Я вздрогнул: Эбби вот-вот взорвется.

Но она вздохнула и пробормотала:

– Я боялась, они смеются потому, что увидели нас вместе, а я в таком виде, и теперь они думают, я собираюсь с тобой спать.

И все? Где же буря? Нет, эта девица совершенно непредсказуема!

– Ну а почему бы им не видеть нас вместе?

Эбби порозовела и, уткнувшись взглядом в стол, буркнула:

– Так о чем мы говорили?

Ложная тревога. Оказывается, Голубка не такая уж и крутая. Решила, что парни смеются над ее внешностью. Нужно было как-то ее отвлечь, пока не додумалась до чего-нибудь еще. И я сказал:

– Мы говорили о тебе. Какая у тебя специальность?

– Э-э-э... еще не решила. Пока хожу на общеобразовательные предметы, но потом, наверное, выберу бухучет.

– Ты вроде приезжая. Откуда?

– Из Уичито. Вместе с Америкой.

– И как тебя занесло к нам из Канзаса?

– Просто хотелось удрать подальше.

– От кого?

– От родителей.

Отлично. Значит, сбежала из дома. Так я и знал: кардиган и жемчужные сережки,

которые были на ней в тот первый вечер, – это только фасад. Интересно, что же за ним скрывается? Говорить о себе она явно любит не больше моего. Я хотел сменить тему, но тут Кайл из футбольной команды опять что-то прокричал. Не обращая на него внимания, я спросил:

– А почему ты выбрала «Истерн»?

Эбби ответила, но я не расслышал. Ее заглушали смешки и идиотские шуточки футболистов.

– Эй, приятель! Нормальные люди выносят отсюда объедки для кошечек, а ты приволок драную кошку сюда! – крикнул один из них.

Это было уже чересчур: они не просто проявили неуважение ко мне – они оскорбили Эбби! Я встал и направился было к ним, но они сорвались с мест и всей гурьбой ломанули к двери, спотыкаясь друг о друга.

Я затылком почувствовал взгляд Эбби, и это помогло взять себя в руки. Я снова уселся на наш диванчик. Она посмотрела на меня, приподняв брови, и мое бешенство тут же куда-то улетучилось.

– Так ты, кажется, собиралась мне рассказать, почему выбрала «Истерн», – сказал я, решив сделать вид, будто всей этой сцены не было.

– Трудно сказать. – Эбби пожала плечами. – Просто мне почему-то показалось, так будет лучше.

То же самое, пожалуй, сказал бы и я, если бы попытался объяснить, что со мной сейчас творилось. Я не понимал, какого черта здесь делаю. Просто сидел за столиком напротив Эбби, и от этого мне становилось как-то непривычно спокойно. Хотя еще секунду назад я был вне себя от ярости.

Я улыбнулся и открыл меню:

– Понимаю.

Глава 3

«Белый рыцарь»

Шепли стоял на пороге и с видом влюбленного идиота махал Америке, пока она выезжала со стоянки. Потом он закрыл дверь и с глупейшей улыбкой на физиономии повалился в кресло.

– Ну и дурак же ты! – сказал я.

– Я? Лучше на себя посмотри! Бедняга Эбби еле ноги отсюда унесла.

Я нахмурился, – вообще-то, мне не показалось, что Голубка торопилась со мной распрощаться, но теперь, после слов Шепа, я вспомнил: когда мы вернулись из ресторана, она была очень уж молчаливой.

– Думаешь?

Шепли рассмеялся, откидываясь на спинку кресла:

– Она тебя ненавидит. Так что лучше брось все это.

– Она меня не ненавидит. И мы с ней уже встречаемся.

Шеп вытаращил глаза:

– Встречаетесь? Трэв, что ты такое задумал? Имей в виду, если ты с ней просто развлечешься, а у меня с Америкой из-за этого все полетит к черту, я тебя убью спящего!

Я плюхнулся на диван и взял пульт:

– Сам не знаю пока, что задумал, но это не просто игрушки.

Мой ответ озадачил Шепа. Я втрескался точно так же, как и он, но признаваться не хотелось.

– Я не шучу! Если что, придушу тебя.

– Верю, – огрызнулся я. Мне и так в последнее время было не по себе, а тут еще этот балбес, похожий на влюбленного скунса из мультика, угрожал кровавой расправой. Когда мой двоюродный братец на кого-нибудь западал, это действовало мне на нервы; в состоянии же влюбленности он был просто невыносим. – Помнишь Аню?

– Это совсем другое! – воскликнул Шеп негодуя. – С Мерик все не так. Она единственная!

– Ты это понял за пару месяцев? – недоверчиво спросил я.

– Я понял это, как только ее увидел.

Я покачал головой. Терпеть не мог его таким. Казалось, из задницы у него вылетают единороги и бабочки, а над головой порхают сердечки. Потом наступит горькое разочарование, и полгода мне придется нянчиться с ним, чтобы не упился вусмерть. Ну а Мерик, разумеется, нравилось его теперешнее состояние.

Нет, меня ни одна женщина не заставит мотать сопли на кулак и литрами поглощать спиртное, доводя себя до полного бесчувствия. Раз соскочила, значит туда ей и дорога.

Шепли встал, потянулся и направился в свою комнату.

– Шеп, опять ты превратился в мешок с дерьмом!

– Не тебе меня судить.

Он был прав: я ни разу не влюблялся. Но все равно представить себе не мог, чтобы любовь так меня покорежила.

Пора было ложиться спать. Я тоже протопал к себе, разделся и, сердито пыхтя,

хлопнулся на матрас. Как только голова коснулась подушки, я стал думать об Эбби. У меня в мозгу слово в слово прокрутился весь наш разговор: пару раз я замечал у нее проблески интереса.

Я понял, что Голубкина неприязнь ко мне не так уж сильна, и от этого стало легче. Святого из себя я не корчил, да ей бы это и не понравилось. Раньше мне никогда не приходилось нервничать из-за женщин. А с Эбби я был какой-то странный: одновременно сосредоточенный и рассеянный, взбудораженный и спокойный. Я злился, голова кружилась. Впервые в жизни я ощущал, будто внутри что-то разладилось. И это чувство тянуло меня к Эбби.

Так я пролежал часа два, пялясь в потолок. Интересно, увижу ли ее завтра? Я встал и пошел на кухню: там был припрятан «Джек Дэниэлс».

Достав чистый стакан из посудомоечной машины, я наполнил его доверху и выпил залпом. Налил еще и снова опрокинул. Потом поставил стакан в раковину и пошлепал обратно в спальню. У порога своей комнаты стоял Шепли.

– Так... пошло-поехало, – усмехнулся он.

– Когда ты появился на нашем семейном дереве, надо было тебя сразу же отпилить.

Шепли, хохотнув, захлопнул дверь, а я поплелся дальше, злой из-за того, что спор с двоюродным братом был проигран.

Казалось, утренние занятия никогда не закончатся. Едва прозвенел звонок на большую перемену, я, содрогаясь от отвращения к себе, побежал в столовую. А ведь даже не знал, там она или нет.

Она была там.

Прямо напротив нее сидел Брэзил. Они болтали с Шепли. Я невольно улыбнулся, а потом вздохнул, испытывая облегчение и в то же время признавая свое поражение.

Нагрузив поднос бог знает чем, я подошел к столику и встал прямо перед Эбби:

– Ты сидишь на моем месте, Брэзил.

– Ой, это одна из твоих девушек, да, Трэв?

Эбби замотала головой:

– Ни в коем случае!

Но я продолжал ждать, и Брэзил поспешил убраться, перетащив свой поднос на свободное место в другом конце длинного стола.

– Как дела, Голубка? – спросил я, готовясь к тому, что меня заплюют ядом.

Но Эбби, к величайшему моему изумлению, не проявила никаких признаков гнева. Просто уставилась на мою тарелку и спросила:

– Что за бурда?

Я глянул на дымящееся варево, которого не пожалела для меня повариха. Кажется, Эбби пытается завязать разговор: еще один хороший знак.

– Я этих дам немного побаиваюсь, так что лучше не буду критиковать их стряпню.

Я принялся тыкать вилкой в содержимое своего подноса, пытаясь выудить хоть что-нибудь съедобное. Эбби некоторое время смотрела на меня, потом ее отвлекло бормотание сидящих вокруг. Ясное дело, всем было стремно, что я подсел к девушке. Я и сам не знал, зачем это мне. Обычно из-за такой ерунды не суечусь.

– Черт, сразу после перерыва у нас тест по биологии, – проворчала Америка.

– Подготовилась? – спросила Эбби.

Мерик наморщила носик:

– Какое там! Я весь вечер убеждала Шепу, что ты не собираешься спать с Трэвисом.

При упоминании об их вчерашнем споре Шепли резко помрачнел. Футболисты, которые сидели в конце стола, затихли, прислушиваясь к нашему разговору. Эбби съежилась и метнула в подругу гневный взгляд. Конечно, Голубка смутилась: неприятно, когда на тебя все пялятся, какова бы ни была причина такого внимания.

Не глядя на Эбби, Мерик толкнула Шепли плечом, но он продолжал хмуриться.

– Да ладно тебе, Шеп, расслабься. – Пытаясь разрядить обстановку, я бросил в него пакетик с кетчупом.

Зеваки переключились на Америку и моего братца в надежде услышать что-нибудь интересное. Он не ответил, а Эбби взглянула на меня своими серыми глазами и улыбнулась. Сегодня мне везло! Она бы не смогла возненавидеть меня, даже если б захотела. И чего я переживал? Тем более что не собирался встречаться с ней и все такое... Просто было интересно, способен ли я вызвать в ком-нибудь платоническую привязанность, и Эбби идеально подходила для подобных экспериментов. Она казалась хорошей девочкой (хотя и с характером), которой не к чему со мной связываться, рискуя сорвать свой план на ближайшие пять лет. Если, конечно, такой план у нее имелся.

Америка погладила Шепли по спине:

– Он оклемается. Просто ему нужно время, чтобы признать: на Эбби не действуют твои чары.

– А я и не пытался очаровать ее, – сказал я, досадуя на Мерик: она решила потопить мой корабль, а ведь победа была уже так близко! – Мы просто друзья.

Эбби посмотрела на Шепли:

– Я же тебе говорила! Вам не из-за чего волноваться.

Шеп поднял на Голубку глаза, и его лицо разгладилось. Кризис удалось предотвратить. Благодаря ей.

Я немного помолчал, пытаясь найти новую тему для разговора. Чуть было не предложил Эбби зайти к нам вечером, но после тех глупостей, которые наболтала ее подружка, это прозвучало бы двусмысленно. Вдруг пришла блестящая идея, и я тут же ее озвучил:

– А ты подготовилась к тесту?

Голубка нахмурилась:

– Сколько ни зубрю, все без толку. Эта биология просто не желает лезть в мою башку.

Я встал и кивнул в сторону двери:

– Пойдем.

– Куда?

– Возьмем твои тетради, и я помогу подготовиться.

– Трэвис...

– Давай, Голубка, оторви задницу от стула. Ты напишешь тест на «отлично», вот увидишь.

Следующие три секунды были, наверное, самыми долгими в моей жизни. Наконец Эбби встала. Проходя мимо Америки, она легонько дернула ее за волосы:

– Увидимся на занятиях, Мерик.

Та улыбнулась:

– Займу тебе место. Мне даже твоя помощь пригодится.

Я открыл перед Голубкой дверь столовой, но моя галантность снова осталась

незамеченной. Как и накануне вечером, я был ужасно разочарован.

До общаги «Морган-холл» было совсем недалеко. Засунув руки в карманы, я молча шел рядом с Эбби. Потом она долго ковырялась с замком. Как только мы оказались в комнате, Голубка швырнула на кровать учебник и села, положив ногу на ногу. Я тоже плюхнулся рядом: матрас был жесткий, очень неудобный. Теперь ясно, почему все девчонки в «Истерне» такие колючие. Господи, да разве можно на такой кровати нормально выспаться?

Эбби открыла нужную страницу, и мы взялись за дело. Я прогнал ее по ключевым моментам главы. Прикольно было наблюдать за тем, как она меня слушает, впитывая каждое слово и при этом будто удивляясь, что я умею читать. Если по выражению ее лица мне казалось, что она не понимает, я возвращался назад. Тогда Голубкины глаза прояснились. Я изо всех сил старался, чтобы ее взгляд не погасал.

Время пролетело незаметно. Эбби пора было идти на занятие. Я вздохнул и шутя хлопнул ее по голове методичкой:

– Ну вот. Теперь ты знаешь эту книженцию вдоль и поперек.

– Посмотрим...

– Я тебя провожу. По дороге еще поспрашиваю.

Я ожидал вежливого отказа, но Эбби робко улыбнулась и кивнула. Когда мы вышли в холл, она вздохнула:

– Ты не очень рассердишься, если я все-таки завалю этот тест?

Она беспокоилась, не рассержусь ли я на нее! Я не знал, как лучше на это отреагировать, но в любом случае было чертовски приятно!

– Ты не провалишься, Голубка. Но к следующему тесту мы с тобой, от греха подальше, начнем готовиться заранее.

По дороге к естественно-научному корпусу я один за другим задавал ей вопросы. Чаще всего она отвечала сразу, иногда после некоторых колебаний, но всегда правильно. Так мы дошли до дверей аудитории. Судя по выражению лица Эбби, мне удалось произвести на нее впечатление и она была благодарна, хотя из тщеславия не хотела это показывать.

– Ты всех порвешь, – брякнул я, не придумав, что бы еще сказать.

Тут мимо нас прошел Паркер Хейс.

– Привет, Трэв, – кивнул он мне.

– Паркер, – кивнул я в ответ.

Вообще-то, я терпеть не мог этого говнюка. Он вечно ходил за мной по пятам, чтобы, изображая такого «белого рыцаря», завалить какую-нибудь из моих девчонок. Ему нравилось говорить им, что я бабник, но сам-то он был ничем не лучше. Только, в отличие от меня, он еще и врал своим пассиям, а когда ему надоедало играть благородство, втихаря их бросал.

Как-то раз, на первом курсе, я подцепил Дженет Литтлтон в «Ред доре», и мы поехали ко мне. Ну а Паркер решил попытать счастья с ее подружкой. Из клуба мы направились в разные стороны. После того как я оприходовал Дженет и не стал притворяться, будто у наших отношений большое будущее, она взбесилась и позвонила подружке, чтобы та ее забрала. Подружка все еще была с Хейсом. В итоге за Дженет приехал он.

Потом Паркер сделал эту историю своим немеркнущим хитом. Стоило мне трахнуть какую-нибудь девчонку, он подбирал ее и, перед тем как тоже трахнуть, рассказывал ей, как он спас от меня Дженет. Я терпел его, но с большим трудом.

Паркер нацелил буркалы на Голубку и весь загорелся:

– Привет, Эбби!

Я не понимал, какой ему резон спать именно с моими девчонками, но одно было очевидно: он уже несколько недель ходил на занятия вместе с Голубкой, а интерес к ней почему-то проявил только сейчас. Это из-за того, что он увидел, как я с ней разговариваю. У меня внутри все заклокотало.

– Привет, – озадаченно ответила Эбби. На лице у нее было написано, что она не понимает, почему незнакомый парень вдруг решил с ней поздороваться. – Кто это? – спросила она у меня.

Я с равнодушным видом пожал плечами, хотя на самом деле мне хотелось ворваться в аудиторию и надрать засранцу его лощеную задницу.

– Паркер Хейс, – сказал я, и показалось, что во рту после его имени остался противный привкус. – Один из моих «братьев» по «Сигме Тау».

От этих слов мне стало еще гаже: у меня были настоящие братья – и по крови, и по студенческому союзу. Паркер не относился ни к тем, ни к другим. Скорее, это был заклятый враг, которому я позволял вертеться поблизости, только чтобы не выпускать его из виду.

– Так ты член «братства»? – спросила Эбби, поморщившись.

– Да, мы с Шепом в «Сигме Тау». Я думал, ты знаешь.

– Ну... на тебя это как-то не совсем похоже... – протянула она, разглядывая татуировки на моих предплечьях.

Голубка снова смотрела на меня, и мое настроение улучшилось.

– У нас в семье все состоит в этом обществе: отец, братья...

– Ты из-за них вступил? – спросила она скептически.

– Нет. Просто там действительно хорошие ребята, – ответил я, подавая Эбби ее тетради. – Тебе, наверное, пора.

Она сверкнула своей фирменной безукоризненной улыбкой и пихнула меня локотком:

– Спасибо, что помог.

Я невольно улыбнулся ей в ответ. Голубка прошла в аудиторию и села рядом с Америкой. Пока они разговаривали, Паркер пялился на Эбби. Идя по коридору, я представлял себе, как хватаю стол и опрокидываю его на голову этому подонку. Занятия мои на сегодня закончились, поэтому нечего было здесь ошиваться. Я чувствовал, что мне до зарезу нужно прокатиться на мотоцикле, иначе мысли о том, как Паркер втирается в доверие к Эбби, сведут меня с ума. Я специально поехал домой самой длинной дорогой, чтобы хорошенько развеяться. Пока выходил из здания, мне встретились несколько симпатичных однокурсниц, но перед глазами все время всплывало Голубкино лицо. Я даже разозлился на себя из-за этого.

Я заслуженно пользовался репутацией парня, который по-свински обходится со всеми девицами старше шестнадцати лет, имеющими неосторожность прийти к нему домой для «личной беседы». Эту дурную славу я честно зарабатывал с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать.

Ну а теперь я, похоже, вляпался в банальную историю: плохой мальчик полюбил хорошую девочку. Вот только Эбби не принцесса, она что-то скрывает. Что – я не знал, но, может быть, именно это нас и связывало.

Я подъехал к дому и слез с мотоцикла. На этот раз «харлей» не оправдал моих ожиданий: привести мысли в порядок не удалось. Всю дорогу я просто выдумывал всякую хренотень, пытаюсь как-то обосновать свое дурацкое поведение с Эбби.

Находясь в отвратительном расположении духа, я хлопнул дверью и плюхнулся на диван. Куда-то запропастился пульт, и это разозлило меня еще больше. Вдруг несчастный кусок черного пластика шлепнулся рядом на подушку. Я ткнул им в телевизор.

– Какого черта ты утаскиваешь пульт к себе? – напустился я на Шепли, который только что вышел из своей комнаты и уселся в кресло.

– Не знаю, старик, такая привычка. У тебя проблема?

– Да, – проворчал я, выключая у телевизора звук. – И зовут ее Эбби Эбернати.

Шепли приподнял брови:

– И что же с ней не так?

– Она меня совсем достала. По-моему, пора трахнуть ее и покончить со всем этим.

Некоторое время Шеп смотрел на меня, как будто решая, что ответить. Наконец он сказал:

– Я, конечно, рад, что ты решил со мной посоветоваться... Но раньше ты не ставил меня в известность, если собирался просрать мою жизнь, переспав с подружкой моей девушки... Что-то тут не так... Признавайся: тебе не наплевать на Эбби!

– Не будь идиотом!

– Втюрился! – констатировал Шепли, не в силах сдерживать довольную ухмылку. – Стоило девчонке дольше двадцати четырех часов не позволять затащить себя в койку, и ты готов!

– Лора промариновала меня неделю.

– А с Эбби у тебя вообще ничего не выйдет.

– Она хочет, чтобы мы просто дружили. Хотя бы не шарахается от меня как от прокаженного. Думаю, это уже хорошо.

Мы помолчали, потом Шепли сказал:

– Ты боишься. – Он кивнул с видом человека, уверенного в собственной правоте.

– Чего? – усмехнулся я.

– Что она тебя оттолкнет. Ведь Бешеный Пес, в конце концов, тоже человек.

У меня запульсировала жилка под глазом.

– Шеп, ты же знаешь, как я ненавижу эту кликуху!

Он улыбнулся:

– Знаю. А еще ты ненавидишь то, что сейчас чувствуешь.

– Благодаря тебе я чувствую себя еще хуже.

– Ты влюбился, и тебе страшно. Что же дальше?

– Ничего. Просто я наконец-то встретил нормальную девчонку, но она для меня слишком хороша. И это бесит.

Шепли попытался подавить смешок. Мои мучения казались ему забавными. Когда ему все-таки удалось состряпать серьезное лицо, он сказал:

– А может, пускай она сама решает, слишком ли хороша для тебя или нет?

– Ты же сам сказал, что мне на нее не наплевать. Поэтому я принимаю это решение за нее.

Шепли встал, потянулся и босиком направился к холодильнику:

– Пиво будешь?

– Да. Давай выпьем за дружбу.

– Значит, ты не передумал с ней тусоваться? И на кой тебе это надо? Хочешь себя помучить?

Я задумался. Наши с Голубкой странные взаимоотношения действительно были для меня мучительны, но мне больше нравилось мучиться рядом с ней, чем на расстоянии.

– Не хочу, чтобы у Эбби все закончилось постелью. Со мной или с другим таким же кобелем.

– То есть ни с кем. Ну ты и сморозил, дружище!

– Заткнись и тащи сюда свое долбаное пиво.

Шепли пожал плечами. В отличие от Криса Дженкса, он умел вовремя замолчать.

Глава 4

Тайм-аут

Наверное, я принял странное решение, но мне от этого стало легче. На следующий день я зашел в столовую и без колебаний уселся на свободное место напротив Эбби. Мне с ней было спокойно и хорошо, и ей со мной, по-моему, тоже; раздражало только то, что за нашим общением, затаив дыхание, наблюдали десятки студентов и даже несколько преподавателей.

– Позанимаемся сегодня или как?

– Давай, – спокойно согласилась она.

В этих отношениях меня не устраивало только одно: чем больше времени я проводил с Эбби как с другом, тем сильнее в нее влюблялся. Тем крепче отпечатывались в моей памяти цвет и форма ее глаз, запахи ее лосьона и кожи. Еще я заметил, какой длины у нее ноги и какие тона преобладают в одежде. Теперь я даже знал, на которой неделе месяца не стоило слишком надоедать ей: это оказалось тогда же, когда и у Америки. Поэтому у нас с Шепли выходило не две, а три недели, когда мы оба могли дышать ровно.

Даже в наихудшем расположении духа Эбби не психовала, как многие другие девчонки. Правда, поначалу она, конечно, нервничала, когда ее спрашивали о наших отношениях. Но я позаботился о том, чтобы ее не доставали, и она успокоилась.

Со временем о нас стали меньше судачить. Мы с Эбби почти каждый вечер вместе обедали, а вечерами занимались. Иногда я возил ее поужинать. Один раз Шепли с Америкой пригласили нас в кино. Между мной и Голубкой не было никакой неловкости, и нам не приходило в голову выяснять, друзья мы или больше чем друзья. Не знаю, как бы я ответил на такой вопрос. Да, я решил не приставать к ней. Но это не мешало мне мечтать о том, как я разложу ее на своем диване. А однажды они с Америкой принялись толкаться и щекотать друг друга, и, глядя на них, я почему-то представил Эбби у себя в кровати.

От подобных мыслей невозможно было отделаться. Хоть какое-то время не думать о ее ножках мне помогло бы только одно: новая победа на сексуальном фронте.

Как-то раз я заметил в студенческой толпе знакомую мордашку. Эту девчонку я раньше видел с Дженет Литтлтон. Звали ее Люси, и она была очень даже ничего. Трясла декольтированной грудью и на каждом углу выла, как сильно меня ненавидит. Тридцать минут флирта, вечер в «Ред доре» – и она в моей квартире. Я едва успел входную дверь закрыть, как эта оторва начала меня раздевать. Наверное, все от ненависти, которую она питала ко мне с прошлого года. Потом она ушла. С улыбкой на губах и разочарованием во взгляде.

А я продолжал думать о Голубке. Даже усталость после оргазма не вытеснила ее из моей головы. Наоборот, теперь я чувствовал себя еще и виноватым перед ней.

На следующий день я вбежал в аудиторию и плюхнулся рядом с Эбби. Она уже достала ноутбук и учебник. Заметив меня, едва обернулась.

Было темно. Обычно в это время суток помещение освещалось естественным образом, но день выдался пасмурный. Я ткнул Эбби локтем: опять почти никакой реакции. Тогда я выхватил у нее карандаш и стал черкать на полях. Набросал несколько рисунков для татуировок, написал прикольными буквами ее имя. Она заглянула ко мне в тетрадь и улыбнулась.

– Может, пообедаем сегодня где-нибудь в городе? – спросил я, наклоняясь к ее уху.

Она беззвучно пошевелила губами: «Не могу».

Я нацарапал у нее в тетради вопросительный знак. В ответ Эбби написала: «Зря я, что ли, плачу за питание в кампусе?» – «Да ладно тебе!» – «Я серьезно».

Я хотел было продолжить этот спор, но на странице больше не было места. Итак, снова столовая. И чем наши поварахи порадуют меня на этот раз? Сгораю от нетерпения.

Эбби хихикнула, и я почувствовал то ни с чем не сравнимое удовольствие, которое всегда испытывал, если удавалось заставить ее улыбаться. Еще несколько загогулин, один большой дракон, и Чейни нас отпустил.

Я закинул Голубкин карандаш ей в рюкзак, подождал, пока она не сложит остальные вещи, и мы вместе отправились в столовую.

На нас уже не пялились, как раньше. Народ привык к тому, что мы все время вместе. Стоя в очереди, мы говорили о новом реферате по истории, который задал Чейни. Потом Эбби провела карточкой по терминалу и направилась к столику. Я заметил, что сегодня у нее на подносе нет апельсинового сока, который она брала каждый день.

За прилавком выстроились сердитые работники. Выбрав в качестве мишени кассиршу, очень суровую на вид, я обратился к ней:

– Извините, мисс... э-э-э... мисс...

Дама сразу почувяла, что со мной лучше не связываться. Большинство женщин понимают это, только оказавшись в непосредственной близости от моего дивана.

– Армстронг, – хрипло подсказала она.

Где-то в закоулках моего сознания мелькнула жутковатая картина: мисс Армстронг у меня на диване. Подавив отвращение, я продолжил атаку:

– Очень приятно. Решил обратиться к вам, потому что вы ведь, наверное, главная здесь... Скажите, апельсинового сока сегодня нет?

– Есть на складе. Некогда было выставить.

Я кивнул:

– Конечно, вы ведь постоянно заняты. Здесь никто так не работает, как вы. Это всем заметно. Наверняка вас скоро повысят.

Она приподняла подбородок, чтобы уменьшить количество складок на шее:

– Да уж пора бы... Ты хотел апельсиновый сок?

– Да, баночку. Если не трудно, разумеется.

Она подмигнула:

– Я сейчас.

Когда я поставил сок на Голубкин поднос, она сказала:

– Не нужно было. Я бы и сама достала.

Эбби сняла куртку и положила ее на колени. Плечи у нее были все еще загорелые и слегка лоснящиеся. Так и хотелось дотронуться. Чего только не пронеслось у меня в голове в этот момент!

– Ну а теперь тебе не придется хлопотать, – ответил я и улыбнулся одной из своих самых обворожительных улыбок. На сей раз искренне. Я смог что-то сделать для Голубки, и это было чертовски приятно.

Тут Брэзил фыркнул:

– С каких это пор ты превратился в мальчика на побегушках? Может, еще натянешь плавки и будешь обмахивать ее пальмовым листом?

Я вытянул шею и посмотрел на ослабившуюся физиономию Брэзила. Он ляпнул не со зла, но приятный момент был испорчен, и это меня взбесило. Тем более что я, наверное, и правда выглядел как лакей, когда нес Эбби сок.

Голубка наклонилась вперед и тоже уставилась на остряка:

– Заткнись! Тебе плавки даже не на что натягивать!

– Полегче, Эбби! Я же пошутил, – сказал Брэзил, поднимая руки.

– Просто... не говори о нем так, – пробормотала Эбби, нахмурившись.

Некоторое время я наблюдал, как Голубка молча борется со своим гневом. Успокоившись, она подняла на меня глаза.

– Дожил! За меня только что заступилась девчонка! – сказал я, огорошенный ее внезапным выпадом.

Слегка улыбнувшись Эбби, я встал, смерил взглядом Брэзила и, подойдя к урне, стряхнул туда содержимое своего подноса. Я был не настолько голоден, чтобы есть такую бурду.

От моего толчка металлические двери широко распахнулись. Я достал из кармана пачку сигарет и закурил, стараясь забыть неприятный эпизод с соком. Только что выставил себя дураком из-за девчонки. Теперь, поди, у моих «братьев» по «Сигме Тау» радости полные штаны. Ведь я два года издевался над ними, если кто-нибудь из них говорил, что у него с девушкой не просто секс. Ну а теперь подошла моя очередь помучиться. И я ни хрена не мог с этим поделаться. Не мог, и все. Или даже еще хуже: не хотел.

Я торчал на крыльце и, когда те, кто стоял рядом, смеялись, тоже смеялся. Хотя понятия не имел, о чем идет речь. Я весь кипел от злости и унижения. Точнее, злился из-за того, что оказался в унижительном положении. Как ни назови, все равно.

Девчонки по очереди цеплялись ко мне, пытаясь завязать разговор. Я кивал и улыбался, чтобы не показаться грубым, но на самом деле хотелось поскорее убраться отсюда и врезать по чему-нибудь кулаком. Если взорвусь прямо здесь, на людях, – это будет проявлением слабости, а такого от меня не дождутся.

Эбби вышла из столовой, и я бросился к ней, на полуслове оборвав девицу, которая мне что-то говорила:

– погоди, Голубка, я тебя провожу!

– Не нужно каждый раз провожать меня на занятия, Трэвис. Я и сама дорогу найду.

Бесполезно отрицать, что меня это задело: я получил категорический отказ, причем Эбби даже не взглянула в мою сторону.

Как раз в этот момент мимо прошла девчонка в короткой юбке и с ногами от ушей. Ее блестящие темные волосы развевались при ходьбе. И тут меня осенило: чего я жду? Почему бы мне не снять первую попавшуюся аппетитную телку, раз с Эбби мы просто друзья? Я буду продолжать поддерживать наши с Голубкой платонические отношения, но, если не предпринять что-нибудь радикальное, все пойдет прахом: я вконец запутаюсь в своих беспорядочных мыслях и ощущениях, не поддающихся контролю.

Пора было провести черту. Эбби – это Эбби. Я решил, что недостоин ее. Но другие девушки – это другие девушки, и они тут совершенно ни при чем.

– Я тебя догоню, Голубка! – прокричал я, бросая сигарету на асфальт.

Слишком утруждать мне не пришлось: я было приготовился к охоте, но, похоже, добыча сама охотилась на меня. Потому и надела коротенькую юбку и высоченные каблук. Я догнал ее и, засунув руки в карманы, спросил:

– Торопись!

Девушка улыбнулась: она была уже моя.

– Иду на занятие.

– Правда? На какое?

Она остановилась и скривила ротик:

– Ты, кажется, Трэвис Мэддокс?

– Он самый. Моя слава идет впереди меня?

– Так и есть.

– Ну, раз делать нечего, признаю себя виновным.

Она покачала головой:

– Мне надо идти.

Я вздохнул, изображая разочарование:

– Жаль! А то я как раз хотел тебя кое о чем попросить.

– О чем? – спросила она несколько озадаченно, но не переставая улыбаться.

Конечно, можно было прямо сказать, что я предлагаю ей поехать ко мне и по-быстрому перепихнуться. Наверное, она бы согласилась. И все-таки немного шарма никогда не помешает.

– Проводи меня до дому. Я совершенно не ориентируюсь в пространстве.

– Серьезно?

Она сначала нахмурилась, потом улыбнулась: ей явно понравился этот мой маневр. Две верхние пуговицы на ее кофточке были расстегнуты, так что виднелись изгибы груди и полоска лифчика. Я переступил с ноги на ногу, почувствовав знакомое ощущение ниже пояса.

– Честное слово! – улыбнулся я.

Она перевела взгляд на ямочку у меня на щеке. Не знаю почему, но девчонки от этих ямочек просто балдели. Брюнетка пожала плечами, стараясь казаться спокойной:

– Поезжай вперед. Если увижу, что сбиваешься с курса, посигналю.

– Мне туда, – кивнул я в сторону стоянки.

Еще на лестнице она провела языком по моему горлу, а пока я искал нужный ключ, стянула с меня куртку. Думаю, выглядело это все довольно неуклюже, зато нам было прикольно. Я уже здорово наловчился открывать квартиру, не отнимая губ от губ своей гостьи. Как только с замком было покончено, она пихнула меня внутрь. Я захлопнул дверь, обхватив прекрасную незнакомку за бедра и резко прислонив к обшивке. Девушка обняла меня ногами, и я, удерживая ее на весу, прижался к ней животом.

Она поцеловала меня так, будто неделю ничего не ела и теперь пыталась отнять кусок, который я держал во рту. Надо признаться, это было обалденно. Когда она укусила меня за нижнюю губу, я попятился и наскочил на журнальный столик. На пол посыпалась всякая дребедень.

– Упс! – сказала девушка и рассмеялась.

Она подошла к дивану и облокотилась на спинку. Я с улыбкой посмотрел на ее прорисовавшиеся ягодицы, разделенные тоненькой полоской белого кружева. Было ясно: с этой девчонкой у меня все пройдет как надо. Я расстегнул ремень и шагнул к ней. Она выгнула шею, тряхнув длинными темными волосами. Сегодня мне попала еще горячая штучка, и я чувствовал, что не разочарую ее. Казалось, молния у меня на джинсах вот-вот лопнет.

Девушка повернулась ко мне. Я наклонился и поцеловал ее.

– Может, сказать, как меня зовут? – выдохнула она.

– Зачем? – сказал я. – И так неплохо.

Она улыбнулась и, подцепив трусики большими пальцами, скользнула руками по бедрам. Потом весело посмотрела на меня своими бесстыжими глазками. Тут я ни с того ни с сего почувствовал на себе укоризненный взгляд Эбби.

– Чего ждешь? – нетерпеливо спросила девица.

– Ничего! – ответил я, мотнув головой, и попытался сосредоточиться на голой заднице, прижатой к моим бедрам.

Бороться с рассеянностью, чтобы не возникло проблем с эрекцией, – это было для меня что-то новое. Все из-за Эбби.

Девица развернулась, через верх сдернула с меня рубашку и расстегнула молнию на штанах. Черт! То ли я сегодня торможу, то ли эта брюнетка – я в юбке. Я сбросил ботинки, стряхнул с себя джинсы и пинком отшвырнул их в сторону.

Она подняла ногу и, обхватив меня за бедро, шепнула мне в ухо:

– Я так давно этого хотела! С тех пор, как увидела тебя на вводных лекциях для первокурсников.

Пытаясь вспомнить, разговаривал ли я с ней хоть раз до сегодняшнего дня, я снизу вверх провел рукой по ее ляжке и в определенный момент почувствовал, что моя гостья не соврала: за год ожидания она прекрасно на все настроилась и тем самым освободила меня от лишних хлопот.

Она застонала, как только я прикоснулся кончиками пальцев к ее теплой увлажненной коже. Рука скользила совсем легко. Я ощутил боль в мошонке. За много недель у меня было всего две женщины: эта телочка и Люси, подружка Дженет. Ах да, еще Меган. С ней три. Она забежала ко мне на следующее утро после того, как я встретил Эбби. Эбби. Внезапно подкатившее чувство вины было сейчас совсем некстати.

– Не двигайся, – сказал я и в одних трусах побежал в спальню.

Достав из прикроватной тумбочки презерватив, я заторопился обратно в гостиную, где моя бесподобная брюнетка стояла в точно такой же позе, в какой я ее оставил. Она вырвала у меня из рук пакетики и опустила на колени. Применив немного фантазии и проделав несколько оригинальных фокусов языком, она радостно распласталась ничком на моем диване.

Глава 5

Соседи

Моя знойная гостья отправилась в ванную одеваться и прихорашиваться. После того как мы с ней закончили, она сказала слова два или три, и я подумал, что неплохо бы взять у нее телефон и включить ее в список моих постоянных подружек – девчонок вроде Меган, с которыми можно заняться сексом без лишних хлопот и не пожалеть о потраченном времени.

Мобильник Шепа чмокнул: пришла эсэмэска от Америки. Каждый раз, когда мой братец получал сообщение от своей ненаглядной, раздавался звук поцелуя. Она сама установила на его телефон такой сигнал, а ему это как будто даже понравилось. Они, конечно, были очень милой парочкой, но иногда меня от них тошнило.

Я сидел на диване, переключая телевизор с канала на канал. Ждал, когда моя брюнетка закончит свой туалет и можно будет ее выпроводить. Тут я заметил, что Шепли как-то подозрительно засуетился.

– Проблемы? – спросил я, сдвигая брови.

– Тебе, наверное, лучше прибрать весь этот бардак. Сейчас приедут Мерик и Эбби.

Услышав последнее слово, я встрепенулся:

– Эбби?

– Да. В «Моргане» опять сломался водонагреватель.

– И?..

– И они несколько дней поживут у нас.

Я выпрямился:

– Они? Ты хочешь сказать, что Эбби будет жить здесь? В нашей квартире?

– Ну наконец-то дошло! Выкинь из головы прелести своей стриптизерши и слушай сюда: девчонки подъедут через десять минут. С вещами.

– Да иди ты!

Шепли на секунду перестал суетиться и посмотрел на меня исподлобья:

– Оторви зад от дивана и помоги мне. Чтобы к их приходу здесь не было никакого хлама! – Он указал на ванную.

– Черт! – пробормотал я и вскочил как ошпаренный.

– Вот именно, – кивнул он, глядя на меня вытаращенными глазами.

Мне стало ясно, почему Шеп так разнервничался: если Америка застанет мою брюнетку в нашей квартире, у него будут проблемы. Мерик с Эбби могут передумать и вернуться в общагу, а ему этого не хотелось. И мне тоже.

Я уставился на дверь ванной. Вода бежала из крана не переставая. Уж не знаю, что эта девица там делала, но, похоже, выметаться она не собиралась. Мне не хотелось быть застигнутым в тот момент, когда я пытаюсь выпихнуть ее за дверь, поэтому я плюнул и решил: чем тратить время впустую, лучше постелить свежие простыни и прибраться.

– А где Эбби будет спать? – спросил я, косясь на диван.

Этот предмет нашей обстановки четырнадцать месяцев служил мне ареной для любовных игр, и Голубке было совершенно незачем на него ложиться.

– Не знаю. Может, в кресле?

– Дурак, что ли? Нет уж, спасибо. – Я почесал затылок. – Пожалуй, она будет спать у

меня на кровати.

Тут Шепли заржал так, что слышно было за два квартала, не меньше. Он согнулся в три погибели, а лицо у него стало красное как помидор.

– Чего-чего?

Разогнувшись, он нацелил на меня палец и попытался что-то сказать, но не смог: его все еще трясло от хохота. Поэтому он просто отошел и продолжил уборку, не прекращая истерически смеяться.

Через десять минут Шепли уже бежал к двери. Пока он спускался по лестнице, кран в ванной замолчал и в квартире стало очень тихо. А еще через несколько минут дверь снова открылась.

– Господи, детка! У тебя чемодан фунтов на двадцать тяжелее, чем у Эбби! – жалобно пропыхтел Шеп.

Я выглянул в коридор, и в этот момент из ванной появилась моя прелестная незнакомка. Увидев Эбби и Америку, она на секунду замерла, а потом принялась за свою кофточку, которую не успела до конца застегнуть. На физиономии у нее красовалась размазанная косметика. В общем, картина получилась эффектная.

С минуту я даже неловкости не чувствовал – так эта девка меня взбесила. Я-то думал, что проблем с ней не будет, а она умудрилась окончательно погубить нас в глазах Америки и Эбби. Хотя и без нее встреча получилась бы не совсем торжественная: я по-прежнему был в одних трусах.

– Привет, – сказала брюнетка.

Она взглянула на чемоданы, и ее удивление перешло в полное замешательство. Америка негодующе вытаращилась на Шепли. Он поднял руки:

– Она к Трэвису приходила!

Мой выход. Я шагнул к брюнетке и, зевнув, похлопал ее по заднице:

– У нас гости. А тебе пора.

Несколько расслабившись, она улыбнулась, обняла меня и поцеловала в шею. Еще час назад ее губы были мягкими и теплыми. А теперь, когда передо мной стояла Эбби, они показались мне похожими на кусок липкого теста, обмотанный колючей проволокой.

– Я оставлю тебе свой номер.

– Э-э-э... Да в принципе не обязательно, – сказал я подчеркнуто небрежно.

– То есть как?

Девушка отпрянула, глаза у нее сверкнули, и она принялась искать в моем взгляде что-то кроме того, что я действительно имел в виду. К моей радости, ситуация вовремя прояснилась. Я бы мог позвать эту девчонку опять, и тогда все запуталось бы еще сильнее. Я ошибся, когда подумал о возможном продолжении нашего «знакомства», и теперь мне было досадно: до недавнего времени я лучше разбирался в женщинах.

– Боже мой! – воскликнула Америка, глядя на брюнетку. – Ну что тут удивительного? Это же чертов Трэвис Мэддокс! Все всё про него знают, но каждый раз чему-то удивляются!

Выпалив такую тираду, Мерик повернулась к Шепли. Он приобнял ее, пытаясь успокоить. Брюнетка вспыхнула от бешенства, смешанного со стыдом, схватила сумочку и, зло сощурясь, вылетела из квартиры.

Дверь хлопнула. Шеп облегченно вздохнул: подобные сцены всегда его напрягали. Ну а мне пора было приступать к укрощению моей строптивицы, поэтому я совершенно невозмутимо направился в кухню и открыл холодильник. Судя по выражению глаз Эбби, она

готовилась наговорить мне такого, чего я еще никогда не слышал. Она была далеко не первой, кому захотелось угостить меня моей же собственной задницей на серебряном блюде. Просто до сих пор я не считал нужным выслушивать проклятия, которыми осыпали меня женщины.

Америка покачала головой и направилась в комнату. Шепли поплелся следом, скособочившись под тяжестью чемодана своей возлюбленной. А Эбби, вместо того чтобы нанести ожидаемый удар, упала в кресло. «Так-так... – подумал я. – Она здорово разозлилась. Наверное, лучше вскрыть этот нарыв, чем позволять ей дуться бог знает сколько».

Я скрестил руки и, оставаясь на минимальном безопасном расстоянии от источника гнева (то есть в кухне), непринужденно спросил:

– В чем дело, Голубка? Был трудный день?

– Нет. Мне просто противно.

Начинается.

– Это из-за меня? – улыбнулся я.

– Именно. Как ты можешь использовать женщину, а потом вот так с ней обойтись?

Пошло-поехало...

– А как я с ней обошелся? Она предложила свой номер, я отказался. Вот и все.

Эбби раскрыла рот, а я еле сдержал смех. Не знаю почему, но мне становилось очень весело, когда я видел, как ее шокирует мое поведение.

– Ты занимался с ней сексом, но тебе не нужен ее номер?

– На фига мне ее номер, если я не собираюсь ей звонить?

– На фига ты с ней спал, если не собираешься ей звонить?

– Я никому ничего не обещал. И она ничего не потребовала, перед тем как брякнуться на мой диван.

Эбби с отвращением посмотрела на упомянутый предмет:

– Она чья-то дочка, Трэвис. Тебе понравится, если когда-нибудь кто-то точно так же поступит с твоей дочерью?

Тут я быстро нашелся что ответить:

– Мне не понравится, если моя дочь будет скидывать трусы перед первым попавшимся кобелем. Назовем это так.

Я говорил то, что думал. Позволительно ли обращаться с девушками, как со шлюхами? Нет. Позволительно ли обращаться со шлюхами, как со шлюхами? Да. Я и сам был не лучше их. Поэтому, когда я первый раз переспал с Меган, она ушла, даже не обняв меня. И я не расплакался, не принялся ведерками поглощать мороженое, не побежал к «братьям» по «Сигме Тау» жаловаться на то, что я на первом же свидании затащил девчонку на диван и после этого она обошлась со мной соответствующим образом. Нужно принимать все как есть, и что толку охать из-за своего доброго имени, от которого ты сам не оставил камня на камне. Как известно, женщины любят осуждать друг друга. От этого занятия они иногда отвлекаются только для того, чтобы осудить мужчину. Очень часто, прежде чем мне придет в голову привести девчонку к себе, я слышу, что однокурсницы называют ее шлюхой. Потом я занимаюсь с этой шлюхой сексом без обязательств и почему-то становлюсь плохим парнем. Разве это не абсурд?

Эбби сложила руки и надулась, – похоже, ей нечего было возразить, и это злило ее еще больше.

– То есть ты признаешь, что ты кобель. И по-твоему, раз женщина с тобой переспала, ее

потом можно вышвырнуть, как ненужную вещь?

– По-моему, я ее не обманывал. Она совершеннолетняя, и у нас все произошло по обоюдному согласию. Если хочешь знать, ей это было надо даже больше, чем мне. И теперь ты разговариваешь со мной так, будто я совершил какое-то преступление.

– Ты ее не обманывал? Но когда ты выгнал ее, она почему-то была слегка удивлена!

– Женщины вечно оправдывают свои поступки тем, что сами себе навдумывали. Не знаю, чего там она хотела, но мне она ни о каких «отношениях» не говорила, а я не обещал ей ничего, кроме секса.

– Ты свинья.

Я равнодушно пожал плечами:

– Меня еще и похлеще называли.

На самом деле я почувствовал себя так, будто мне под ноготь всадили целое бревно. Я знал, что Эбби сказала правду, но от этого было не легче.

Она еще раз с содроганием посмотрела на диван:

– Надо полагать, я сплю здесь, в кресле?

– Почему?

– Потому что туда я точно не лягу! Бог знает что там можно подцепить.

Я поднял ее сумку с полу:

– Ты не будешь спать ни на диване, ни в кресле. Ляжешь на мою кровать.

– Наверняка это рассадник заразы еще хуже, чем диван.

– Нет. Там я сплю один.

Она закатила глаза:

– Ну конечно!

– Я серьезно. Сексом я занимаюсь на диване, а в спальню никого не пускаю.

– А чем я такая особенная, что для меня ты решил сделать исключение?

Я чуть было ей не признался. Слова вертелись на языке, но я себе-то не решался их сказать, не то что ей. В глубине души знал, что я кусок дерьма и она заслуживает большего. Она действительно была особенная. Поэтому мне, с одной стороны, хотелось взять ее в охапку и отнести в постель, а с другой стороны, я не мог себе этого позволить. Эбби казалась мне моей противоположностью: снаружи она невинна, но глубоко внутри у нее какая-то болячка. В ней, Голубке, было нечто очень нужное мне. И хоть я не знал, как это назвать, я старался засунуть свои дурные привычки подальше. Иначе все бы пропало. Я видел: Эбби может быть снисходительной к людям, но ее терпимость имеет определенные границы, которых лучше не переступать.

Ничего такого я говорить не стал. Мне пришел в голову более удачный ответ, и я, усмехнувшись, сказал:

– Ты разве планировала сегодня заняться со мной сексом?

– Нет!

– Вот этим-то ты и отличаешься от других. А теперь оторви свою сердитую задницу от кресла: душ к твоим услугам. Потом займемся биологией.

Она вспыхнула, но сделала, как я сказал. Чуть-чуть не задев меня плечом, быстро прошла в ванную и захлопнула за собой дверь. Водопроводные трубы подняли тоскливый вой.

Вещей Эбби взяла немного: только самое необходимое. Я нашел у нее в сумке шорты, футболку и двое белых трусов. Вытащил их и, рассмотрев, закопал поглубже. Трусы были

самые обыкновенные, белые с сиреневыми полосками. Значит, она не собиралась раздеваться передо мной. Даже подразнить не собиралась. Это немного разочаровывало, и в то же время теперь Эбби нравилась мне еще больше. Интересно, а есть ли у нее вообще открытые трусики?

Может, она девственница? Я рассмеялся: девственница в колледже – в наши дни это неслыханно.

Еще я нашел в сумке тюбик зубной пасты, щетку и баночку с каким-то кремом для лица. Взяв все это и прихватив чистое полотенце из бельевого шкафчика, я направился в ванную. Постучал. Эбби не ответила. Тогда я просто вошел: во-первых, она за шторкой, а во-вторых, у нее нет ничего такого, чего бы я не видел.

– Мерик?

– Нет, это я.

– Какого черта? Уходи! – взвизгнула Эбби.

Я хохотнул, обрадованный этой инфантильной реакцией, и положил умывальные принадлежности возле раковины:

– Ты забыла полотенце, и я тебе его принес. А еще одежду, щетку, пасту и какой-то сомнительный крем, который нашел у тебя в сумке.

– Ты рылся в моих вещах? – Ее голос подскочил на целую октаву.

Я чуть не подавился смехом: надо же, до чего эта скромница переполошилась! А я ведь, как гостеприимный хозяин, только принес ей ее барахлишко! Можно подумать, я мог найти у нее в сумке что-нибудь интересное. Интересного там не больше, чем в портфеле училки воскресной школы.

Я выдавил немного пасты из Голубкиного тюбика на свою щетку и включил кран. Эбби сначала странно притихла, а потом из-за шторы показались ее глаза и лоб. Я чувствовал, как она взглядом прожигает мне дыру на затылке, но делал вид, что ничего не замечаю.

Непонятно, почему она так распсиховалась. Я, наоборот, стал какой-то подозрительно спокойный. Никогда не думал, что подобные бытовые картинки будут меня умилять.

– Уходи, Трэвис! – прорычала она.

– Не могу же я лечь, не почистив зубы!

– Если ты подойдешь к этой шторке ближе чем на два дюйма, я выколю тебе глаза, пока ты спишь!

– Не бойся, Голубка, я не буду подглядывать.

При этом я не без некоторого удовольствия представил себе, как она склоняется надо мной – пусть даже и с ножом. Но лучше бы, конечно, она склонилась надо мной без ножа.

Я почистил зубы и, довольный, направился в спальню. Через несколько минут трубы затихли, но Эбби все никак не выходила. Я снова подошел к двери ванной и нетерпеливо заглянул внутрь:

– Давай быстрее, Голубка, а то я тут состарюсь!

Я не ожидал, что вид Эбби после душа произведет на меня большое впечатление: она ведь уже щеголяла передо мной ненакрашенная. Но сейчас кожа у нее порозовела и как будто светилась, а длинные мокрые волосы были зачесаны назад и блестели. Я невольно замер. Эбби с размаху запустила в меня расческой. Я пригнул голову, потом захлопнул дверь и, усмехаясь, вернулся в комнату.

Через какое-то время я услышал, как маленькие ножки зашлепали по коридору в направлении моей спальни. От этого звука сердце у меня забилось сильнее.

– Спокойной ночи, Эбби! – прокричала Мерик из комнаты Шепа.

– Спокойной ночи, Америка.

Ха-ха! Не знаю, как насчет всей Америки, но мне, благодаря подруге моего двоюродного брата, теперь вряд ли удастся спокойно поспать. Казалось, я подсел на какой-то наркотик: хочется все больше и больше, не можешь остановиться. Правда, зависимость от наркотика возникает после того, как его попробуешь, а к Эбби я даже не прикасался. Я просто старался быть рядом с ней, и от этого мне становилось хорошо. Больше надеяться было не на что.

Голубка тихонько стукнула в дверь, и я очнулся:

– Заходи. И можно не стучать.

Эбби вошла: темные мокрые волосы, серая футболка, клетчатые шортики. Судя по ее расширенным глазам, внимательно изучающим голые стены, она пыталась сделать какие-то выводы обо мне, исходя из того, как обставлена моя спальня. Голубка оказалась первой женщиной, которую я сюда впустил. Я вовсе не ждал этого момента, но вот она вошла, и неожиданно я сам стал воспринимать свою комнату по-новому.

Раньше это было просто место, где я спал. В остальное время я тут почти не бывал и поэтому не задумывался, уютно или нет. Теперь пустота белых стен бросилась мне в глаза. Сюда вошла Эбби, и до меня дошло, что моя спальня – это мой дом, а дома не должно быть так голо.

– Симпатичная пижамка, – наконец сказал я, садясь на кровать. – Заходи, не бойся, я не кусаюсь.

Эбби опустила подбородок, приподняв брови:

– А я и не боюсь. – Ее учебник по биологии шлепнулся рядом со мной. – У тебя есть ручка?

Я кивнул в сторону тумбочки:

– Возьми в верхнем ящике.

Сказав это, я похолодел: сейчас она обнаружит мой стратегический запас – и тогда мне конец!

Эбби оперлась коленом о кровать, дотянулась до тумбочки, порылась в ней и отпрянула. Схватив ручку, захлопнула ящик.

– В чем дело? – спросил я, делая вид, что читаю учебник.

– Ты ограбил поликлинику?

Откуда Голубке знать, где берут такие вещи?

– Нет, а что?

Она скривила лицо:

– Ты, видно, решил заpastись презервативами на всю оставшуюся жизнь.

Ну вот, началось!

– Береженого Бог бережет, верно?

С этим было не поспорить. Я ждал, что Эбби начнет кричать и обзывать, но она просто закатила глаза. Я продолжал листать учебник, стараясь не выдать своего облегчения.

– Ладно, давай начнем отсюда... Боже мой! Фотосинтез? Разве вы его в старших классах не проходили?

Она замялась:

– Вроде как проходили... Это вводный курс, Трэв. Я не сама составляла себе программу.

– Ты ведь ходишь на матанализ! Как можно быть такой продвинутой по математике и

такой отсталой по естественным наукам?

– Я не отсталая. Любой курс начинается с повторения.

– Да что ты говоришь! – съязвил я. Потом принялся в общих чертах объяснять фотосинтез и строение растительной клетки. Говорил долго и нудно, но Эбби слушала, не пропуская мимо ушей ни единого слова. Даже можно было подумать, будто я сам интересую ее не меньше, чем получение зачета. – Итак, липиды... Давай повторим, что это такое.

Голубка сняла очки:

– Все, я пас! Мне в голову больше не влезет ни одна макромолекула.

Ну и хрен с ними, с макромолекулами. Пора спать.

– Тогда на сегодня хватит.

Эбби вдруг забеспокоилась, и я почему-то воспринял это как обнадеживающий знак. Она осталась в комнате наедине со своими нервами, а я отправился в душ. Мысль о том, что Голубка только что стояла голая на том самом месте, где сейчас стою я, возбудила меня, и, прежде чем вылезти, мне пришлось минут пять простоять под ледяной водой. Было не очень приятно, но без этого я бы не успокоился.

Когда я вернулся в спальню, Эбби лежала на боку с закрытыми глазами. Неподвижная, как доска. Я сбросил с себя полотенце, надел трусы, потом заполз в постель и выключил свет. Голубка не шевелилась, но я знал, что она не спит: каждый мускул ее тела был напряжен. Наконец она повернулась ко мне:

– Ты тоже собираешься здесь спать?

– Ну да. Это же моя кровать.

– Знаю, но... – Она осеклась, пытаясь найти какой-нибудь выход из положения.

– Ты мне все еще не доверяешь? Буду вести себя наилучшим образом, клянусь.

При этих словах я показал ей руку с тремя поднятыми пальцами: указательным, средним и мизинцем, – намекая на то, чего обещал не делать. Этот похабный жест был прекрасно известен моим «братьям» из «Сигмы Тау», но Голубка его не поняла.

Разумеется, ужасно хотелось нарушить обещание, но делать глупости было рискованно. Эбби казалась одновременно твердой и нежной. Если бы я пошел напролом, она, пожалуй, повела бы себя как загнанный зверь, и все бы пропало. Поэтому приходилось терпеть. К тому же в наших нынешних отношениях тоже была какая-то своеобразная острота. Они чем-то напоминали ходьбу по канату или экстремальную езду на мотоцикле.

Эбби отвернулась и принялась мутузить одеяло, подтыкая его под каждый изгиб своего тела. Снова расплывшись в улыбке, я приблизил лицо к Голубкиному уху:

– Спокойной ночи, Голубка.

Глава 6

Нагрузились

Я открыл глаза. Солнце только что взошло, и на стенах спальни появились первые тени. Спутанные волосы Эбби лежали у меня на лице. Я сделал глубокий вдох. «Боже, неужели все это происходит со мной, говнюком?» – подумал я и, перевернувшись на спину, еще раз потянул носом воздух. Голубка по-прежнему пахла шампунем и лосьоном.

Через несколько секунд заблеял будильник, и Эбби, проснувшись, откинула руку мне на грудь, но сразу ее отдернула.

– Трэвис, – сонно пробормотала она, – твой будильник!

Подождав с минуту, она вздохнула, с трудом дотянулась до пластиковой коробочки, стоявшей возле меня, и прихлопнула ее. Звук прекратился. Эбби упала на подушку и облегченно выдохнула. Я усмехнулся и этим себя выдал. Голубка негодуя вскинулась:

– Так ты не спал?

– Вот видишь, я вел себя хорошо! Хотя мы и не договаривались, что ты будешь на меня ложиться.

– Я на тебя не ложилась, просто не могла достать до будильника. Никогда еще не слыхала такого противного звука! Как будто раненый зверь кричит.

– Позавтракаешь? – спросил я, засовывая руки под голову.

– Не голодная.

Похоже, Эбби из-за чего-то разозлилась, но я делал вид, что все в порядке. Может, моя Голубка просто не жаворонок и по утрам всегда бывает такая. Правда, днем и вечером она тоже не слишком-то приветливая. Видно, мне попалась та еще колючка. Что ж, прекрасно!

– А я голодный. Почему бы нам не заехать в кафе?

– Вряд ли я смогу с утра пораньше вытерпеть твоё вождение, – парировала она и, просунув в тапочки худенькие ступни, пошлепала к двери.

– Ты куда?

Эбби взорвалась:

– Одеваться и на занятия. Может, пока я здесь, я должна составить для тебя план своих передвижений?

Кажется, она любит играть жестко. Ну ладно, пожалуйста. Я подошел и взял ее за плечи. Черт! Какая же она приятная на ощупь!

– Ты всегда такая темпераментная или остынешь, когда поймешь, что я не строю хитроумных планов, чтобы залезть тебе в трусы?

– Я не темпераментная!

Я наклонился и прошептал ей в самое ухо:

– Я не хочу с тобой спать, Голубка. Ты мне слишком сильно нравишься.

Она вся напряглась, а я отошел, не говоря больше ни слова. От радости победы я чуть не запрыгал на месте, но сдержался и, только выйдя за дверь, несколько раз торжествующе ударил воздух. Ее было нелегко смутить, но, когда мне это удавалось, я чувствовал, что на шагок приблизился... Стоп! Приблизился к чему? Этого я точно не знал, но, по-моему, все шло как надо.

Мы давненько не пополняли наши продуктовые запасы, поэтому завтрак получился не

особенно изысканный. Хотя вполне съедобный. Я взбил в миске несколько яиц, добавил немножко лука, зеленого и красного перца и вылил эту смесь в сковородку. Эбби вошла и села за стойку.

– Точно не будешь яичницу?

– Точно не буду, спасибо.

Она еще не до конца проснулась, но уже выглядела потрясающе. Надо же! Вообще-то, я имел представление о том, что в женщине, которая только встала с постели, есть какая-то своеобразная привлекательность, и все равно не мог не удивиться. Раньше в это время суток я видел только девушек своего брата и старался их особенно не разглядывать.

Шепли достал тарелки и поднес к сковороде. Я лопаточкой разложил яичницу. Эбби наблюдала за мной с некоторым интересом.

– Ой, только не смотри на меня так! Извини, но я не хочу туда идти, – фыркнула Америка, когда Шеп поставил перед ней ее порцию.

Он уже несколько дней ныл из-за того, что она отказывалась пойти с ним на вечеринку для пар. Я был согласен с Мерик: эти вечеринки – сплошное мучение. Хотя большинство девчонок от них без ума и из кожи вон лезут, чтобы напроситься на приглашение.

– Но, детка, – простонал Шепли, – такие вечера бывают всего дважды в год, и ближайший только через месяц, даже больше. У тебя вагон времени, чтобы купить платье и всякие ваши девчачьи штучки.

Америка вроде бы не собиралась сдаваться, и я перестал следить за разговором. Вдруг до меня донеслось, что она согласится пойти на вечеринку, только если пойдет и Эбби. А чтобы Эбби могла пойти, ей нужен парень. Мерик уставилась на меня. Я недоуменно приподнял бровь.

– Трэв не ходит на вечеринки для пар, – не раздумывая, отрезал Шеп. – Это ведь для тех, у кого есть девушка, а у него... Сама знаешь: он для этого слишком крутой.

Америка пожала плечами:

– Можем найти ей кого-нибудь.

Я тоже хотел было высказаться, но Эбби не дала: ей явно не понравилось, что мы пытаемся принять решение за нее.

– Эй, ребята, я, вообще-то, здесь и все слышу. Вас это не смущает? – проворчала она.

Америка надула губки (на Шепу это всегда действовало безотказно):

– Ну пожалуйста, Эбби. Мы найдем симпатичного парня, веселого и остроумного. Я сама выберу для тебя кого-нибудь посексуальнее, и ты прекрасно проведешь время, вот увидишь! Может, у вас с ним даже что-нибудь получится!

Я нахмурился: Америка собралась подыскивать Голубке парня. Для вечеринки. Из числа моих «братишек». Ну уж нет, хрена с два! У меня волосы встали дыбом, как только я подумал, что у нее с кем-нибудь (не важно с кем) может «что-нибудь получиться».

– Вообще-то, я не отказывался повести ее на вечеринку, – выпалил я, с грохотом швырнув сковородку в раковину.

Эбби закатила глаза:

– Только не надо делать мне одолжений, Трэвис.

Я шагнул к ней:

– А я и не имел в виду ничего такого. Да, на эти тусовки ходят с девушками, а у меня, как известно, девушек не водится. Ну и что? Я ведь знаю, что после вечеринки ты не будешь ждать от меня предложения руки и сердца.

Америка снова надула губки:

– Ну, Эбби, ну пожалуйста!

Вид у Голубки был страдальческий.

– Не смотри на меня так! Трэвис не хочет идти, я не хочу идти... Так что вряд ли нам будет весело.

А мне эта идея нравилась все больше и больше. Я сложил руки и, прислонившись к раковине, произнес:

– Кто тебе сказал, что я не хочу идти? По-моему, будет классно, если мы пойдем все вчетвером.

Все вопросительно посмотрели на Эбби. Она поежилась:

– Вчетвером мы могли бы потусоваться и здесь.

Эта мысль мне, кстати, тоже понравилась.

Америка разочарованно вздохнула, а Шепли наклонился к Голубке, продолжая ее уговаривать:

– Понимаешь, мне нельзя не пойти. Я первокурсник и должен следить за тем, чтобы все шло без накладок, чтобы у всех было пиво, ну и так далее.

Эбби казалась совершенно подавленной. Ей ужасно не хотелось идти, но она не могла отказать Америке. А тут еще Шеп, который рад наболтать чего угодно, лишь бы его девушка составила ему компанию. Вот это меня и напрягало. Если Эбби пойдет не со мной, она проведет вечер, а может, и ночь с кем-нибудь из моих «братишек». Они неплохие ребята, но я много раз слышал, как они хвастаются друг перед другом своими победами. И я не допущу, чтобы они точно так же трепались о Голубке.

Я подошел к Эбби и обнял ее за плечи:

– Ну же, Голубка, соглашайся. Пойдем со мной, а?

Она посмотрела сначала на Америку, потом на Шепу.

Это длилось всего несколько секунд, но мне показалось, что прошло черт знает сколько времени. Наконец Эбби подняла глаза на меня, и я понял: сдалась.

– Ладно, – вздохнула она.

В ее голосе не было энтузиазма, но сейчас это не имело значения. Главное, что она пойдет со мной; я теперь мог дышать спокойно.

Америка завизжала, как делают все девчонки, захлопала в ладоши и принялась душить Эбби в объятиях. Шепли благодарно улыбнулся: сначала мне, потом Голубке.

– Спасибо, – сказал он, кладя руку ей на спину.

Я еще ни разу не видел, чтобы девушка так неохотно соглашалась идти на свидание со мной. Но, опять же, это ведь не я был ей противен, а сама вечеринка.

Мерик и Эбби быстро собрались и уехали на восьмичасовое занятие. Шеп принялся убирать посуду, страшно довольный, что вышло, как он хотел.

– Спасибо, чувак. Я уж думал, Америку не уговорить.

– Слушай, какого хрена вы пытаетесь свести с кем-то Голубку?

– Это Мерик, я тут ни при чем. А тебе не все равно?

– Нет.

– Ах вот оно что!

– Просто... просто не надо этого делать. Я бы не хотел застучать Эбби в темном углу с Паркером Хейсом.

Шепли кивнул, соскребая со сковородки остатки яичницы:

– Или с кем-нибудь другим.

– Да.

– И долго ты собираешься продолжать в том же духе?

– Не знаю. Чем дольше, тем лучше. Не мешай мне, и все.

– Трэвис, ты ее хочешь или нет? Это же свинство: ты и сам вроде как не с ней и с другими она встречаться почему-то не должна!

– Мы просто друзья.

Шепли с сомнением усмехнулся:

– Друзья могут спать с кем угодно и спокойно это обсуждать. По-моему, у вас не так.

– Нет. Но это не значит, что мы не можем быть друзьями.

– Еще как значит, старик.

Пожалуй, он не так уж и ошибался, но мне не хотелось этого признавать.

– Просто... – Я замолчал, изучая лицо Шеп. Он меньше, чем кто угодно другой, был склонен меня осуждать, но все равно я боялся проявить слабость, рассказав ему, как много думаю об Эбби. Шепли, скорее всего, поймет меня, но почувствую ли я себя лучше, если выскажу свои мысли вслух? – В ней есть что-то такое, чего мне всегда не хватало. Вот и все. При этом я вижу, какая она клевая, и не хочу ни с кем ею делиться. Стремно, да?

– Ты не можешь ею делиться или не делиться, если она не твоя.

– А что я знаю о том, как ухаживать за девушками, Шеп? Мой единственный пример – это ты и твои пассии, с которыми у тебя были самые запутанные, болезненные и обременительные отношения! Если она начнет с кем-то встречаться, я ее потеряю.

– Ну так встречайся с ней сам.

Я покачал головой:

– Мы не готовы.

– Это еще почему? Ты боишься? – спросил Шеп, бросив мне в лицо кухонное полотенце.

Оно упало на пол, я поднял и принялся изо всех сил скручивать то в одну, то в другую сторону.

– Она не такая, как все, Шепли. Она хорошая.

– Ну и чего же ты ждешь?

Я пожал плечами:

– Нужен хотя бы какой-то повод.

Шеп соорудил недовольную гримасу и включил посудомойку. Раздался шум машины, смешанный с шумом льющейся воды.

– Скоро у нее день рождения, Мерик собирается это отпраздновать, – сказал Шепли, направляясь к себе в комнату.

– День рождения Эбби?

– Да, примерно через неделю.

– Тогда, конечно, нужно что-то организовать! Ты знаешь, что она любит? У Мерик уже есть какие-то мысли? Наверное, я должен что-то купить. Черт, что же ей купить?

Шепли остановился на пороге своей спальни и улыбнулся:

– Успеешь придумать. Лекция через пять минут. Поедешь со мной?

– Нет. Лучше попытаюсь еще раз усадить Эбби на свой байк. Для меня это единственная возможность оказаться у нее между бедрами.

Шеп рассмеялся, дверь его комнаты захлопнулась. Я пошел к себе, натянул джинсы и футболку. Телефон, кошелек, часы. Бедные девчонки! Им полжизни приходится заниматься

фиг знает чем, чтобы только выйти из дому. Я бы так не смог.

Долбаная лекция все никак не кончалась. Со звонком я выскочил из корпуса и рванул через весь кампус к «Морган-холлу». Эбби стояла на крыльце с парнем. Как только я их увидел, кровь вскипела. Но потом я облегченно вздохнул: это был Финч. Он курил, а она слушала его болтовню и смеялась. Он бурно жестикулировал (видимо, как раз дошел до кульминации очередной своей потрясающей истории), изредка переставая размахивать руками только для того, чтобы поднести ко рту сигарету.

Когда я подошел, Финч подмигнул Эбби. Мне показалось, это хороший знак.

– Привет, Трэв! – пропел он.

– Финч, – быстро кивнул я и тут же переключился на Эбби: – Я собирался домой. Тебя подвезти?

– Нет, мне нужно в общагу, – улыбнулась она.

В желудке похолодело, и я, не успев подумать, брякнул:

– Ты сегодня не приедешь ко мне?

– Приеду. Но сначала хочу забрать кое-что из вещей.

– И что же?

– Ну, например, бритву, если хочешь знать.

«Черт! Я от нее тащусь!» – подумал я, а вслух сказал:

– Да, тебе не помешало бы побрить ноги. А то ты меня всего исцарапала.

У Финча глаза чуть не вылезли из орбит. Эбби нахмурилась.

– Вот так и рождаются сплетни! – проворчала она и, повернувшись к своему приятелю, добавила: – Я сплю в его постели. Просто сплю!

– Ага! – осклабился Финч.

Не успел я опомниться, как Эбби уже топала по лестнице в свою комнату. Прыгая через ступеньку, я догнал ее:

– Не сердись, я же пошутил!

– Все и так думают, что у нас секс. А ты еще подливаешь масла в огонь!

Заняться с ней сексом было бы неплохо. Но если раньше я смутно надеялся, что она этого хочет, то теперь вопрос отпал. Черт возьми, Эбби действительно не собиралась со мной спать!

– Какая разница, кто что подумает?

– Разница есть, Трэв!

Она распахнула дверь своей комнаты и принялась метаться из угла в угол, открывая и закрывая ящики, хватая какие-то вещи и бросая их в сумку. А я вдруг остро почувствовал, будто потерял что-то дорогое. В таком состоянии хочется либо плакать, либо смеяться, и я усмехнулся.

Эбби посмотрела на меня потемневшими глазами:

– Это совсем не весело. Хочешь, чтобы все в колледже считали меня одной из твоих шлюх?

Моих шлюх? Они не были моими. Как раз потому, что были шлюхами. Я взял сумку у нее из рук. Дело плохо: знаться со мной, не говоря уж о том, чтобы быть моей девушкой, – для Эбби это означает запятнать свою репутацию. Раз так, то почему она до сих пор не отказалась со мной дружить?

– Никто ничего подобного не считает. А тот, кто считает, пускай молится, чтобы я его не услышал.

Я открыл дверь, Эбби выскочила в коридор, я за ней. Вдруг она резко остановилась. Я замер, еле удерживая равновесие, чтобы не налететь на нее. Дверь за моей спиной захлопнулась, и я от неожиданности дернулся: избежать столкновения все-таки не удалось. Эбби вскрикнула. Сначала я подумал, что ей больно, но, когда она обернулась, на ее лице был только испуг. Через секунду она опять заговорила:

– Люди, наверное, думают, что у нас была связь, и при этом ты в открытую... продолжаешь вести себя так, как вел всегда. Мое положение выглядит просто унижительным! – Она помолчала, содрогнувшись от собственных слов, потом покачала головой. – Думаю, не стоит больше у тебя ночевать. Некоторое время нам лучше бы вообще не встречаться.

Она попыталась вырвать у меня из рук свою сумку, но я не дал.

– Никто не думает, Голубка, что мы вместе. В любом случае, перестав со мной разговаривать, ты никому ничего не докажешь.

Я был на грани отчаяния: тревожный симптом!

Эбби снова потянула за свою сумку, а я снова ее отдернул. Так мы упражнялись несколько секунд, после чего Голубка не выдержала:

– Скажи, ты раньше когда-нибудь дружил с девушкой и она у тебя жила? Ты возил ее в колледж и обратно? Обедал с ней каждый день? Ты считаешь, что это нормально? Нам никто не верит, сколько бы мы ни рассказывали, какие мы друзья!

Я шагал к парковке, неся Голубкину сумку. В голове у меня творилось бог знает что.

– Я это улажу, хорошо? Не хочу, чтобы из-за меня кто-то стал хуже о тебе думать.

Эбби всегда казалась мне загадочной, но сейчас ее горестный взгляд меня просто убил. Я бы сделал что угодно, лишь бы она улыбнулась, но она оставалась все такой же грустной и встревоженной. Только этого мне не хватало! Я ужасно сердился на себя и жалел чуть ли не обо всем, что сделал, с тех пор как мы с Голубкой познакомились.

Вдруг до меня дошло: мы категорически не подходим друг другу! Как ни старайся, как ни хитри, я все равно недостаточно хорош для нее. Она достойна большего, и я просто должен радоваться тем крупницам времени, которые удастся провести рядом с ней. Но проглотить это было нелегко. К тому же откуда-то из темных глубин памяти знакомый голос нашептывал: «Борись за то, чего хочешь достичь». А борьба была для меня привычней и проще, чем смирение.

– Пожалуйста, предоставь все это мне, – сказал я. – И давай куда-нибудь сходим вечером. Например, в «Датч».

Это была довольно паршивая забегаловка, зато туда не набивалось столько народу, сколько в «Ред». И там вокруг нас не вертелось бы такое множество похотливых девиц.

– Но ведь «Датч» – байкерский бар, – нахмурилась Эбби.

– Хорошо, не хочешь туда – поехали в клуб. Сначала поужинаем, а потом в «Ред дор». Я угощаю.

– Ты считаешь, что поход в ресторан и в клуб решит нашу проблему? По-моему, люди увидят нас вместе и станет только хуже.

Я уселся на мотоцикл, привязав сумку позади сиденья. Эбби не стала ее у меня вырывать, и это уже обнадеживало.

– Сама посуди. Я пьяный, вокруг не совсем одетые женщины. Все сразу поймут: если бы мы встречались, я бы тебя в такое злачное место не привел.

– Ну а мне что делать? Для большей убедительности подцепить возле барной стойки

какого-нибудь парня и поехать к нему домой?

Представив себе, как она уезжает из клуба не со мной, я нахмурился и так стиснул зубы, как будто хлебнул лимонного сока.

– Этого я не говорил. Переусердствовать ни к чему.

Эбби закатила глаза и, взобравшись на сиденье, обхватила меня за талию.

– Ну да, будет вполне достаточно, если вместе с нами к тебе домой поедет первая попавшаяся девица. Вот так ты собираешься восстановить мою репутацию, да?

– Голубка, а ты, случайно, не ревнуешь?

– К кому? К слабоумной венеричке, которую ты утром выставишь за дверь?

Я усмехнулся и завел двигатель. Если бы она только знала, насколько для меня немисливо то, о чем она говорит! Когда она была рядом, я больше никого не видел. Все мое внимание, все мои силы уходили на то, чтобы удерживать себя в шаге от нее.

Мы рассказали Шепли и Америке о наших планах, и девчонки стали собираться. Я первым запрыгнул в душ, хотя потом понял, что лучше бы я был последним: все равно у Мерик и Голубки сборы заняли гораздо больше времени, чем у нас с Шепом.

Мы все втроем целую вечность ждали, когда Эбби выйдет из ванной, а когда она наконец-то появилась, я чуть не упал. Короткое черное платье открывало длинные-предлинные ноги, но грудь не подчеркивало: она только слегка угадывалась в определенных ракурсах. Длинные вьющиеся волосы не рассыпались по плечам, а были собраны сбоку. Черная ткань оттеняла загар, который теперь показался мне ярче. Здоровая гладкая кожа слегка лоснилась.

– А ножки у тебя ничего, – сказал я.

Эбби улыбнулась:

– Это все волшебная бритва.

Черт! Какая же она офигенная!

– Думаю, дело не в бритве.

Я взял ее за руку, и мы вышли из дому. Она не попыталась высвободиться, поэтому я так и держал ее, пока мы не сели в машину Шепли, и даже тогда отпускать не хотелось. Потом мы подъехали к японскому ресторану, и наши пальцы снова переплелись.

Я заказал нам всем по рюмке саке, потом еще по одной. Но официантка почему-то заинтересовалась нашими документами, только когда я попросил пива. Я знал, что у Америки удостоверение фальшивое, и думал, нам всем придется свалить. Тут Эбби неожиданно спасла положение, гордо вытащив свою карточку. Официантка взглянула на протянутый ей кусок ламинированной бумаги и тут же ушла, а я заграбастал его и принялся рассматривать. В углу была фотография Эбби, и все выглядело как настоящее. Я никогда раньше не видел, какие документы выдают в Канзасе, но, по-моему, подделка была очень убедительная. На карточке значилось: «Джессика Джеймс», и от этого я почему-то завелся. Причем неслабо.

Эбби щелкнула по удостоверению, и оно выскочило у меня из рук. Она поймала его и быстро спрятала в кошелек. Потом улыбнулась мне. Я улыбнулся в ответ, опершись локтями о стол.

– Джессика Джеймс?

Передразнивая меня, Эбби тоже оперлась локтями о стол и в упор посмотрела мне в лицо. То, как уверенно она держалась, делало ее еще сексуальнее.

– Да. А что?

– Ничего. Интересный выбор.

– Ну, знаешь ли, калифорнийские роллы, которые мы сейчас едим, – тоже выбор так себе.

Шепли расхохотался, но резко замолчал, увидев, как Америка лихо опрокинула бутылку пива.

– Не гони, детка. Саке накрывает не сразу.

Мерик вытерла рот и усмехнулась:

– Спокойно, Шеп. Мне не впервой.

Чем больше мы пили, тем больше шумели. Но замечаний нам никто не делал. Наверное, потому, что было поздно и ресторан уже почти опустел. Только в дальнем конце зала заседала еще какая-то компания не многим трезвее нас. А мы набрались как следует. Все, кроме Шепли. Он слишком любил свой «додж-чарджер», чтобы много пить за рулем, а еще больше – Америку. Когда она ехала с ним, он не только следил за количеством поглощаемого спиртного, но даже соблюдал все правила и включал поворотники.

А Голубка-то наклюкалась!

Официантка принесла счет, я расплатился и растолкал Эбби. Она вскочила с диванчика и игриво ткнула меня локотком, а потом небрежно закинула руку мне на шею, и я вывел ее на улицу.

Америка села на переднее сиденье и тут же принялась облизывать ухо своего возлюбленного. Эбби посмотрела на меня и закатила глаза, намекая на то, что ей не очень хотелось наблюдать интимную сцену с участием собственной подруги и моего родственника. Но, не считая этого, Голубка была, по-моему, всем довольна.

Шепли подъехал к клубу и принялся кружить по парковке.

– Мы сегодня вообще куда-нибудь встанем или нет? – заворчала Америка.

– Сейчас. Я же не могу втиснуться куда попало. Не хочу, чтобы какой-нибудь бухой придурок меня поцарапал.

Может, и так. А может, Шепу просто нравилось, как Мерик слюнявит ему ухо. Фу! Гадость!

Наконец мы припарковались в самом конце стоянки, и я помог Эбби вылезти. Она одернула платье и слегка встряхнула бедрами, а потом взяла меня за руку.

– Хотел спросить про твое удостоверение, – сказал я. – Выглядит так, что не придерешься. Ты ведь его не здесь доставала?

Если бы документы были состряпаны тут, в городе, я бы сразу понял: у меня у самого этих фантиков было до фига.

– Да, оно у меня уже давно. Так нужно было... – (На кой черт ей было нужно поддельное удостоверение личности?) – Еще в Уичито.

Гравий шуршал у нас под ногами. Эбби стиснула мою руку, чтобы не оступиться и не сломать каблук. Америка споткнулась, и от неожиданности я выпустил Голубкины пальцы. Шепли успел поймать свою подвыпившую даму, прежде чем она упала.

– Хорошо иметь связи, правда? – хихикнула Мерик.

– О боже мой, женщина! – сказал Шепли, поддерживая Америку под руки. – По-моему, тебе уже хватит на сегодня.

Я нахмурился, пытаюсь сообразить, что она имела в виду.

– Ты это о чем, Мерик? Какие связи?

– У Эбби есть старые друзья, которые...

Голубка встряла, не дав подруге договорить:

– Удостоверение фальшивое, Трэв. Чтобы получить фальшивый документ, нужно знать, к кому обратиться, ведь так?

Что-то тут явно было не так. Я взглянул на Америку, но она спрятала от меня глаза. И все-таки настаивать на продолжении этого неприятного разговора сейчас не следовало. Ведь Эбби секунду назад назвала меня Трэв. Я уже начинал к этому привыкать.

– Так, – сказал я, снова протягивая ей руку.

Она подала мне свою и лукаво улыбнулась. Решила, что перехитрила меня. Но я к этому еще вернусь.

– Мне пора чего-нибудь выпить! – сказала Эбби, как только мы доползли до большой красной двери заведения.

– Точно! Выпить! – обрадовалась Америка.

Шепли вздохнул:

– А то ты еще не напилась!

Когда Эбби вошла, взгляды всех присутствующих тут же устремились на нее. Даже парни, которые были с девушками, бессовестно на нее глазели, вертя головой и откидываясь на стульях. «Да, похоже, ночка предстоит веселая!» – подумал я, сжимая Голубкину руку.

Мы подошли к барной стойке, которая была ближе всех к танцполу. В клубах дыма я увидел Меган: она, как обычно, терлась возле бильярдных столов. Охотилась. Прежде чем я ее узнал, она уставилась на меня большими голубыми глазами. Но долго пожирать меня взглядом ей не пришлось. Я все еще держал за руку Эбби, и, заметив ее, Меган изменилась в лице. Я кивнул, она осклабилась.

Место, где я обычно сидел, было свободно, но все остальные стулья уже заняли. Увидев, что я иду и тащу на буксире Эбби, Кэми хохотнула. Как только она предупредила окружающих о нашем прибытии, они, во избежание насильственного выселения, молча встали и разошлись. Что ни говори, а иметь репутацию козла-психопата иногда не так уж и плохо.

Глава 7

Буря

Не успели мы подойти к барной стойке, как Америка утащила Эбби на танцпол. Голубкины розовые босоножки на высоком каблуке сверкали в темноте. Она смеялась над диковатыми па своей подруги, а я смотрел и улыбался. Мой взгляд скользнул по черному платью и остановился на бедрах. «Неплохо двигается!» – подумал я, и пришлось отвести глаза, чтобы не заводиться.

«Ред дор» был набит до отказа. В основном завсегдатаями, хотя попадались и новые лица. Те, кто, не страдая избытком фантазии, заявлялся сюда каждый уик-энд, пялились на новичков, как на свежее мясо. Особенный аппетит вызывали девчонки вроде Эбби с Америкой.

Я взял себе пива, выхлестал полбутылки и снова переключился на танцпол. И рад бы не смотреть, но взгляд сам туда тянулся. Подозреваю, что выражение лица у меня было не многим интеллектуальнее, чем у остальных придурков, которые пялились на танцующих девиц.

Песня закончилась, и Эбби притащила Америку обратно. Они весело хохотали. Обе запыхались и немного вспотели – ровно настолько, чтобы казаться еще сексуальнее.

– Так будет всю ночь, Мерик. Просто не обращай на них внимания, – сказал Шепли.

Америка скорчила брезгливую рожицу, уставившись на что-то, что происходило у меня за спиной. Я мог только догадываться, кого она там увидела. Вряд ли это была Меган. Та бы не стала дышать мне в затылок, а приступила бы сразу к делу.

– Это что еще за стая стервятников – отрывка Вегаса? – фыркнула Мерик.

Я глянул через плечо и увидел трех «сестричек» Лекси из женского студенческого общества. Они выстроились плечом к плечу, как солдаты, а еще одна их подруга стояла рядом со мной и широко улыбалась. Девицы было обрадовались, что я на них посмотрел, но я быстро отвернулся и залпом допил содержимое своей бутылки. Женщины, которые вели себя со мной таким образом, почему-то очень раздражали Америку. Но, вообще-то, я бы не стал с ней спорить: они действительно смахивали на стервятников.

Я зажег сигарету и заказал еще два пива. Брук, блондинка, стоявшая рядом, улыбнулась и прикусила губку. Я насторожился, пытаюсь понять, в чем дело: может, сейчас разрешится, а может, повиснет у меня на шее. Кэми открыла бутылки и поставила их передо мной. Только тогда я сообразил, что означала эта глупая гримаса: блондинка схватила одну из бутылок и чуть было не отпила из нее, но я вовремя вмешался и передал пиво Эбби.

– Хм... Это не тебе.

Брук отошла к своим подругам, а у Голубки вид был, как мне показалось, вполне довольный. Она отхлебывала из бутылки здоровенными глотками.

– Стану я покупать бухло каким-то телкам из бара! – сказал я, думая рассмешить Эбби, но она замерла с кислой миной. Поэтому я слегка улыбнулся и добавил: – Ты не такая, как они.

Мы чокнулись бутылками. Голубка явно сердилась.

– Выпьем за то, что я удостоилась чести быть единственной девушкой, с которой парень без принципов не хочет спать! – провозгласила она и сделала большой глоток.

– Ты серьезно так думаешь? – Эбби не ответила, и тогда я наклонился к ней. – В-первых... принципы у меня есть. Я не сплю с уродинами. Никогда. А во-вторых, мне хотелось переспать с тобой, и я придумал пятьдесят способов затащить тебя на диван, но не стал этого делать, потому что мое отношение к тебе изменилось. Ты для меня по-прежнему привлекательна, просто я считаю, что ты заслуживаешь большего.

Она расплылась в самодовольной улыбке:

– То есть ты считаешь, что я для тебя слишком хороша?

Черт! Кажется, она все поняла не так.

– Я не знаю ни одного парня, для которого ты не была бы слишком хороша.

Самодовольное выражение исчезло. Эбби была тронута:

– Спасибо, Трэв, – сказала она, ставя пустую бутылку на стойку.

Да уж, глушила она – будь здоров! Про другую девчонку я бы сказал, что она в хлам назююкалась. А Эбби... Я не знаю... Что бы Голубка ни делала, она всегда оставалась такой уверенной в себе! И ужасно сексуальной.

Я встал, взял ее за руку и потащил на танцпол:

– Идем.

Она поплелась за мной:

– Я столько выпила, что сейчас упаду!

Я взял ее за бедра и вплотную притянул к себе:

– Не болтай. Просто танцуй.

Эбби больше не улыбалась и не хихикала. Ее тело, прижатое к моему, двигалось под музыку. Я ничего не мог с собой поделать: чем ближе мы были, тем сильнее мне хотелось еще большего сближения. Ее волосы лежали у меня на лице, и, хоть выпил я уже вполне достаточно, чтобы упасть и вырубиться, мои ощущения не притупились. Я остро чувствовал, как двигаются в такт музыке ее бедра и ягодицы, как она прикладывается ко мне на грудь, как дотрагивается головой до моего плеча. Хотелось затащить ее в какой-нибудь темный угол и там поцеловать.

Эбби лукаво улыбнулась и провела руками по моим плечам, по груди, по животу. Я чуть с ума не сошел. Она повернулась ко мне спиной, и сердце у меня еще сильнее заколотилось о ребра: так она была совсем близко. Я прижал ее к себе, обхватив за талию, и уткнулся лицом ей в волосы. Я обливался потом, который смешивался с ее духами. Собственные мысли больше не слушались меня.

Песня заканчивалась, но Эбби не собиралась отстраняться. Она откинулась назад, положив голову на мое плечо. Тут сила воли мне совсем отказала, и я дотронулся губами до нежной кожи за Голубкиным ухом. Но и этого оказалось мало: я приоткрыл рот и слизнул солоноватую капельку, сбегавшую по ее шее.

Тело Эбби напряглось. Она отпрянула.

– Что, Голубка? – спросил я, фальшиво усмехнувшись.

Мне показалось, что она хочет меня ударить. Я-то думал, нам хорошо, а она разозлилась! Я еще не видел ее такой взбешенной!

Вместо того чтобы излить свою ярость на меня, Эбби стала протискиваться сквозь толпу по направлению к барной стойке. Я пошел за ней, чтобы выяснить, чем именно я так провинился.

Я сел на пустой стул рядом с Голубкой. Она заказала себе еще пива. Я сделал то же самое. Эбби наполовину опустошила свою бутылку и с громким стуком опустила ее на

стойку:

– Думаешь, глядя на это, все поймут, что мы просто друзья?

Я коротко рассмеялся. Сначала она прижимается ко мне так, что я еле сдерживаюсь, а потом вдруг начинает беспокоиться о приличиях?

– Мне плевать, что они там поймут.

Эбби метнула в мою сторону сердитый взгляд и отвернулась.

– Голубка, – сказал я, дотрагиваясь до ее руки.

Она отстранилась:

– Не трогай меня! Все равно я никогда не напьюсь настолько, чтобы опрокинуться на твой диван.

Тут я вскипел: я не давал ей повода так со мной разговаривать. Никогда. Она сама меня завела, а я всего-то раз или два поцеловал ее в шею. И теперь за это получаю!

Я открыл было рот, но тут возле меня нарисовалась Меган:

– Какие люди! Сам Трэвис Мэддокс!

– Привет, Меган.

Эбби явно не ожидала, что наш разговор будет прерван таким образом, и теперь уставилась на мою старую знакомую, которая, надо отдать ей должное, умела выйти на сцену в наиболее выгодный для себя момент.

– Познакомишь меня со своей девушкой? – с улыбкой спросила Меган.

Вот стерва! Она же распрекрасно знала, что Эбби мне никакая не девушка. И воспользовалась своим золотым правилом: «Если мужчина, на которого ты положила глаз, пришел в клуб с другой женщиной, заставь его сказать, что они просто друзья. Это распатает их отношения».

Я понимал, к чему все идет. Черт! Раз уж Эбби считает меня грязным бабником с криминальными наклонностями, придется соответствовать. Я толкнул свою пустую бутылку, и она, доехав по гладкой поверхности до края барной стойки, со звоном упала в переполненную урну.

– Она не моя девушка.

Намеренно не глядя на Эбби, я взял Меган за руку и повел на паркет, а она только этого и ждала. С ней всегда было прикольно танцевать: стыдливостью она не отличалась и позволяла вытворять с собой что угодно (сначала на танцполе, а потом и за его пределами). Обычно мы устраивали целое шоу. Другие танцующие останавливались и смотрели на нас.

Но сегодня все это было мне как-то не в кайф: темные волосы Меган несколько раз хлестнули меня по лицу, но я ничего не почувствовал. Я приподнял ее, она обхватила ногами мою талию и прогнулась назад, раскинув руки. Пружина верхом на мне на глазах у всего клуба, моя партнерша радостно улыбалась. Как только я поставил ее на ноги, она повернулась ко мне спиной и резко согнулась, проведя пальцами по своим лодыжкам.

С моего лица лил пот. Меган тоже была вся мокрая, и, когда я дотрагивался до ее кожи, ладони скользили. Одежда на нас обоих насквозь пропотела. Меган приоткрыла рот и подалась ко мне, чтобы я ее поцеловал, но я отслонился и взглянул в сторону барной стойки.

И тут я заметил его. Итана Коутса. Эбби льнула к нему с игривой пьяной улыбочкой. Эту улыбку я наловчился моментально вычислять даже в многотысячной толпе. Она означала «Отвези меня к себе домой».

Бросив Меган на танцполе, я растолкал зрителей, собравшихся вокруг нас, и подошел к бару. В тот самый момент, когда я тронул Эбби за плечо, Итан положил руку ей на колено. Я

прекрасно помнил, за что его чуть было не посадили в прошлом году. Поэтому встал между ними, к Итану спиной, и сказал, изо всех сил сжимая кулаки:

– Голубка, по-моему, нам пора. Ты готова?

Эбби отпихнула меня в сторону и улыбнулась: новый знакомый снова был в поле ее зрения.

– Не видишь, Трэвис? Я разговариваю, – проворчала она, растопыривая пальцы и с нарочитой брезгливостью вытирая руку о платье (она только что дотронулась до моей мокрой рубашки и теперь демонстрировала, как ей это противно).

– Ты хоть знаешь, кто он такой?

Эбби расплылась в еще более широкой улыбке:

– Это Итан.

Итан протянул руку:

– Рад познакомиться.

Я не мог спокойно смотреть на то, как Голубка пожирает глазами эту мразь. Не обращая внимания на поданную мне руку, я ждал, когда Эбби вспомнит, что я здесь. Она небрежным кивком указала на меня:

– Итан, это Трэвис.

Мое имя она произнесла с гораздо меньшим энтузиазмом, чем имя подонка, которого видела в первый раз. Это взбесило меня еще больше. Я посмотрел на Итана, потом на его руку и произнес – так низко и так угрожающе, как только мог:

– Трэвис Мэддокс.

Глаза Итана расширились, и он неуклюже спрятал свою пятерню.

– Трэвис Мэддокс? Ты тот самый Трэвис Мэддокс из «Истерна»?

Я опустил руку на барную стойку позади Эбби:

– Да. Ну и что?

– В прошлом году я видел, как ты дрался с Шоном Смитом, старик. Думал, ты его прикончишь.

Я сощурился и сжал зубы:

– Хочешь, чтобы я все это повторил?

Итан вымученно хохотнул, глаза забегали между мной и Голубкой. Поняв, что я не шучу, он неловко улыбнулся Эбби и исчез.

– Ну так ты готова ехать? – выпалил я.

– Знаешь, кто ты? Придурок – вот ты кто.

– Я про себя еще и не такое слышал.

Я протянул руку. Эбби подала мне свою, и я помог ей слезть с высокого стула. Вообще-то, у нее не было причины так уж на меня злиться.

Я громко свистнул Шепли, и тот, увидав мою физиономию, сразу понял, что пора домой. Пробираясь сквозь толпу, я для разрядки толкнул несколько ни в чем не повинных тусовщиков. Америка с Шепом протиснулись к нам, и дальше мы с Эбби шли за ними.

Как только мы оказались на улице, я снова попытался взять Голубку за руку, но она ее отдернула. Тогда я развернулся и рявкнул прямо ей в лицо:

– Другой бы на моем месте поцеловал тебя, и дело с концом! Ты ведешь себя глупо! Да, я чмокнул тебя в шею. Дальше что?

Эбби отслонилась, но пространство между нами все равно показалось ей недостаточным, и тогда она оттолкнула меня. Я был злой как черт, но она не испытывала

передо мной ни малейшего страха. Это заводило.

– Не путай меня со своими шляхами, Трэвис.

Я покачал головой, не зная, что и сказать. По-моему, я сделал все, чтобы она не думала, будто я отношусь к ней как к шляхе. С того момента, когда я ее в первый раз увидел, она была для меня особенной, и я всеми мыслимыми и немыслимыми способами давал ей это понять. Как еще мне выделить ее среди других? Что еще сделать, чтобы наконец-то до нее достучаться?

– Я никогда тебя с ними не пугал! Ты рядом со мной двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, ты спишь в моей постели, но почему-то не хочешь, чтобы нас видели вместе?

– Вообще-то, я пришла сюда с тобой!

– Голубка, я всегда относился к тебе с уважением.

– Нет, ты относишься ко мне как к собственности. Какое ты имел право прогонять Итана?

– А ты знаешь, кто он, этот Итан?

Эбби покачала головой. Я нагнулся к ней:

– Зато я знаю. В прошлом году его арестовали за изнасилование, но он выпутался.

Она скрестила руки:

– Вот как? Значит, у вас общие интересы?

Перед глазами у меня все побагровело. Какую-то долю секунды я был готов взорваться, но глубокий вдох помог мне подавить ярость.

– Ты хочешь сказать, что я насильник?

Эбби задумалась. Пока она молчала, я окончательно остыл. Только с ней я был таким отходчивым. Окажись на ее месте другой человек, я бы обязательно дал волю кулакам. Женщину я бы не ударил, зато выместил бы злобу на грузовике, припаркованном рядом с нами.

– Нет. Просто ты меня рассердил, – сказала Эбби и поджала губы.

– Послушай, я выпил, так? Твоя шея была в трех дюймах от моего лица, ты красивая и обалденно пахнешь, когда вспотеешь. Я поцеловал тебя. Извини! И давай больше не будем это раздувать!

Эбби снова задумалась. Уголки ее рта приподнялись.

– Ты считаешь меня красивой?

Я нахмурился. Дурацкий вопрос!

– Ты великолепна и прекрасно это знаешь. Чего улыбаешься?

Она попыталась сделать серьезное лицо, но от этого улыбка только расплылась еще шире.

– Ничего. Идем.

Я усмехнулся и тряхнул головой:

– Да ты просто... Ты для меня... как заноза в заднице!

Услыхав такой комплимент, Эбби снова улыбнулась во весь рот. Видно, ей казалось забавным, что за каких-нибудь пять минут я превратился из психа в клоуна.

Справиться с приступом улыбочивости она не смогла, зато меня заразила. Я обнял Голубку за шею и почувствовал, что опять ужасно хочу ее поцеловать.

– Ты хоть понимаешь, что я из-за тебя совсем с ума сойду?

Домой мы ехали молча. Едва переступив порог, Эбби рванула в ванную и включила душ. Я видел все как в тумане, поэтому не стал рыться в Голубкиных вещах, а просто схватил свои

труссы и футболку и понес ей. Постучал. Она не ответила. Тогда я вошел, положил одежду возле раковины и вышел. Слава богу, она меня не заметила, а то я бы не сообразил, что сказать.

Мое белье скрыло под собой добрую половину маленького тела Эбби. Войдя в спальню, она повалилась на кровать – все с той же улыбкой на лице. Несколько секунд я смотрел на нее. Она стала смотреть на меня, видимо пытаюсь понять, о чем я сейчас думаю. А я и сам не знал. До тех пор, пока не почувствовал ее взгляд на своих губах.

– Спокойной ночи, Голубка, – прошептал я, отворачиваясь и мысленно ругая себя на чем свет стоит.

Эбби неслабо набралась, но я не должен был этим воспользоваться. Тем более после того, как она простила мне показательное выступление с Меган.

Голубка несколько минут ворочалась, а потом собралась с духом и, приподнявшись на локте, подала голос:

– Трэв?

– А? – откликнулся я, не шевелясь.

Я боялся, что, как только я взгляну ей в глаза, весь мой здравый смысл вылетит в форточку.

– Я знаю, я пьяная, и мы из-за этого так здорово поругались, но...

– Я не собираюсь заниматься с тобой сексом, даже не проси.

– Чего?! Да нет...

Я рассмеялся и, повернувшись, посмотрел на ее милое испуганное лицо:

– Тогда что, Голубка?

– Вот...

Она положила голову мне на грудь и, проведя рукой по моему животу, крепко меня обняла. Ну и номер! Не ожидал! Я поднял руку и застыл, не зная, какого черта теперь делать.

– Ты действительно пьяная.

– Знаю, – пробормотала она, нисколько не смутившись.

Наверное, завтра она меня убьет, ну да ладно: будь что будет! Я положил одну руку ей на спину, а другую на мокрые волосы и поцеловал ее в лоб:

– В жизни не встречал таких стремных девиц, как ты...

– И поэтому отвалил единственного парня, который ко мне сегодня подошел?

– Итана-насильника? Всегда пожалуйста, можешь даже не благодарить.

– Еще чего! Я и не собиралась.

Эбби попыталась отслониться от меня, но я задержал ее руку у себя на животе:

– Нет, я серьезно. Ты могла бы быть и поосторожнее. Если бы я не оказался рядом... Не хочу даже думать об этом. А теперь, по-твоему, я должен извинения просить за то, что его спугнул?

– Ничего такого ты не должен. Дело не в этом.

– Не в этом? – спросил я.

Я никогда никого ни о чем не умолял, но теперь вот мысленно взмолился: «Скажи, что хочешь меня! Что тебе на меня не наплевать. Или что-нибудь такое...» Она была так близко! Еще дюйм, и я мог бы дотронуться до нее губами. До чего же мне было трудно удержаться и не преодолеть этот несчастный дюйм!

Эбби нахмурилась:

– Я пьяная, Трэвис. Это мое единственное оправдание.

– Хочешь, чтобы я подержал тебя так, пока не уснешь? – Она не отвечала. Тогда я заглянул ей прямо в глаза и сказал: – Конечно, я должен бы отказаться. Но вдруг скажу «нет», а ты больше не попросишь? Тогда я себе этого до конца жизни не прощу. – Голубка радостно заерзала и снова пристроила голову ко мне на плечо. Я крепко обхватил ее обеими руками, из последних сил удерживая себя в узде. – Тебе не нужно никакого оправдания. Просто попроси, и все.

Глава 8

«Страна Оз»

Эбби заснула быстрее меня. Дыхание выровнялось, мышцы расслабились, носик еле слышно посапывал. Как приятно было держать в руках ее теплое тело! Я боялся, что привыкну к этому, и все равно не мог пошевелиться.

Зная Эбби, я догадывался: завтра она проснется, вспомнит свои ночные чудачества и раскричится из-за того, что я позволил ей себя обнять. Или еще хуже. Поклянется никогда больше не прикасаться ко мне.

Я решил пока не думать о завтрашнем дне. Надеяться на чудо было бы глупо, а открыто признаться себе в том, что эти наши объятия лишь результат алкогольного опьянения, не хватало сил. Раньше я всегда смотрел правде в глаза, а теперь вот не хотел. Видимо, не такой уж я крутой. По крайней мере, когда дело касается Голубки.

Я стал дышать медленнее, руки и ноги отяжелели, но я боролся с усталостью, которая постепенно усыпляла. Мне так нравилось обнимать Эбби, что я старался не закрывать глаза: пытался отвоевать у сна хоть одну лишнюю минутку блаженства.

Голубка пошевелилась. Я замер. Она скользнула пальцами по моей коже, потом прижалась ко мне покрепче и снова расслабилась. Я поцеловал волосы Эбби и прислонился щекой к ее лбу. Потом вздохнул и всего на секунду прикрыл глаза.

Открыл я их уже утром. Так и знал, что нельзя было моргать. Голубка елозила, пытаюсь высвободиться: моя рука лежала у нее на спине, а ноги – поверх ее ног.

– Не ерзай, Голубка, я же сплю... – пробормотал я, прижимаясь к ней.

Но она постепенно выбралась из-под меня и, вздохнув, села на краю постели.

– Что-то не так, Голубка?

– Пойду попою воды. Тебе принести?

Я покачал головой и закрыл глаза. Или она делает вид, что ничего не было, или сердится. И то и другое плохо.

Эбби вышла из комнаты, а я продолжал лежать. Заставить себя подняться оказалось не так-то легко: голова после вчерашнего гудела. Как будто сквозь вату проник низкий голос Шепли. Тогда я наконец-то вылез из-под одеяла и, шлепая босыми ногами по паркету, направился в кухню.

На Эбби по-прежнему было мое белье. Она поливала дымящуюся овсянку шоколадным сиропом.

– Какая гадость! – проворчал я, пытаюсь сморгнуть пелену перед глазами.

– И тебе доброго утра.

– Слышал, у тебя скоро днюха? Еще годик, и разменяешь третий десяток?

Эбби поморщилась. Видимо, не ожидала такого вопроса.

– Да... Вообще-то, я не очень люблю праздновать день рождения. Но, думаю, Мерик сводит меня куда-нибудь поужинать или что-то в этом роде. – Голубка улыбнулась и добавила: – Приходи и ты, если сможешь.

Я пожал плечами, как будто эта улыбка меня не проняла. Ура! Эбби хочет, чтобы я был на ее празднике!

– Ладно. На следующей неделе, в воскресенье?

– Да. А у тебя когда день рождения?

– Не скоро. В апреле. Первого, – сказал я, заливая хлопья молоком.

– Перестань!

Я отправил ложку в рот, посмеиваясь про себя над Голубкиным удивлением.

– Правда!

– Ты родился в День дурака?

Она не знала, верить или нет, и ее озадаченная мордашка ужасно меня веселила.

– Да! Тебе, наверное, уже пора. Я отвезу.

– Не надо, я с Мерик.

То, что Эбби отказалась от моей помощи, кольнуло чувствительнее, чем можно было ожидать. Раньше она всегда ездила со мной, а теперь с Америкой? Вдруг это из-за прошлой ночи? Похоже, Голубка опять пыталась от меня отдалиться, что очень разочаровывало.

– Как хочешь, – сказал я, отворачиваясь, чтобы она не увидела мои глаза.

Девчонки быстро схватили рюкзаки, и Америка так газанула со стоянки, будто они ограбили банк.

Шепли вышел из своей комнаты, на ходу надевая футболку.

– Уехали? – хмуро спросил он.

– Да, – сказал я рассеянно.

Я ополоснул свою миску из-под хлопьев и выбросил в раковину Голубкину овсянку, почти нетронутую.

– Какого черта? Мерик со мной даже не попрощалась!

– Ты же знал, что у нее занятие. Подбери сопли.

– Ты это мне? – Шепли ткнул себя пальцем в грудь. – Молчал бы лучше! Жаль, ты вчера не видел себя со стороны.

– Заткнись!

– Сам заткнись! – Он сел на диван и стал надевать кеды. – Ты спросил Эбби про днюху?

– Да, но она только сказала, что не любит праздновать дни рождения. Больше я из нее ничего не вытянул.

– Ну и что будем делать?

– Устроим вечеринку. – (Шепли кивнул и уставился на меня: ему хотелось узнать подробности.) – Пусть будет сюрприз. Пригласим друзей, а Америка куда-нибудь уведет Голубку, пока мы готовимся.

Шеп достал свою белую бейсболку и нахлобучил ее так низко, что козырек закрыл ему глаза.

– Это запросто. Еще что-нибудь придумал?

– Не знаю... Может, подарить ей щенка? Как тебе кажется?

Он усмехнулся:

– Вообще-то, это не мой день рождения, старик!

Я обошел стойку для завтрака и оперся о высокий стул.

– Знаю, но она живет в общежитии, и ей нельзя держать щенка там...

– То есть предлагаешь держать его здесь? Ты в своем уме? Что мы с ним будем делать?

– Мог бы получиться классный подарок. Я бы нашел через Интернет кернтерьера.

– Кого-кого?

– Эбби из Канзаса. И я хочу подарить ей собаку, как у Дороти из «Страны Оз».

– «Страны Оз»? – с каменной физиономией переспросил Шеп.

– Ну да. В детстве мне нравился Страшила. Что такого?

– Щенок будет везде гадить, Трэвис. Будет гавкать, скулить и... фиг знает что еще вытворять.

– Почти как Америка. Она разве только не гадит. – (Шепли эта шутка не развеселила.) – Обещаю сам выгуливать собаку и после этого мыть. Жить будет у меня. Ты ее даже не заметишь.

– Может, ты ей и пасть заткнешь, чтобы не лаяла?

– Посмотрим. Согласись, от такого подарка Эбби растает!

– Так вот в чем все дело! Хочешь, чтобы Эбби растаяла?

Я нахмурился:

– Перестань.

Шепли расплылся в улыбке:

– Ладно, можешь покупать свою псину...

Я просиял. Победа!

– Если признаешь, что влюбился в Эбби.

Я сразу помрачнел: это была засада!

– Да ну тебя, чувак!

– Признавайся! – сказал Шеп, сложив руки на животе.

Вот засранец! Ведь заставит меня это сказать! Я смотрел куда угодно, лишь бы не видеть его нахальную ухмылку. Несколько секунд я с собой боролся, но очень уж хороша была моя идея со щенком: Эбби обалдеет (надеюсь, на этот раз в хорошем смысле слова) и, чтобы играть с собакой, будет каждый день к нам приходиться.

– Она мне нравится, – процедил я сквозь зубы.

Шепли приложил ладонь к уху:

– Что? Не расслышал.

– Ты жопа! Теперь расслышал?

– Признавайся давай!

– Я же сказал: она мне нравится.

– Так не пойдет.

– Хрен с тобой: я влюбился. Мне на нее не наплевать. Еще как не наплевать. Жить без нее не могу. Доволен?

– Ладно, хватит с тебя пока что. – Он подобрал валявшийся на полу рюкзак и перекинул лямку через плечо. Потом взял телефон и ключи. – Увидимся в столовой, голубок.

– Иди ты... – пробурчал я.

Шепли сам был вечно влюбленным идиотом и теперь, когда я оказался в его шкуре, собирался на мне отыграться.

Сборы отняли у меня какую-нибудь пару минут, но из-за всей этой болтовни я сильно припозднился. Занятие было только одно, по химии. Решив, что кто-нибудь одолжит мне карандаш, я выскочил из квартиры с пустыми руками. Распихал по карманам ключи, кошелек и телефон, взял солнцезащитные очки, надел кожаную куртку, нахлобучил бейсболку козырьком назад, сунул ноги в ботинки и, захлопнув дверь, сбежал по ступенькам.

Ехать на мотоцикле без Эбби было как-то не так. Черт, она переломала все, к чему я привык!

Оставив «харлей» на стоянке, я быстро зашагал к корпусу и влетел в аудиторию буквально за секунду до звонка. Когда я уселся на свое место, доктор Веббер посмотрела на

меня и закатила глаза: не оценила мою точность. А еще ей, видать, не понравилось, что я належке. Я подмигнул. Она чуть заметно улыбнулась, потом покачала головой и переключилась на свои бумажки. Карандаш мне не понадобился. Как только нас распустили, я рванул в столовую.

Шепли стоял у входа, посреди газона, и ждал девчонок. Я схватил его кепку и запустил ее, как летающую тарелку.

– Молодец, придурок, – буркнул он, подбирая бейсболку.

В этот момент у меня за спиной раздался хриплый низкий голос:

– Эй, Бешеный Пес!

Я сразу понял, что это Адам. Он подошел к нам с Шепом, весь такой деловой:

– Я тут пытаюсь организовать для тебя бой. Будь готов приехать по звонку.

– А мы всегда готовы, – сказал Шепли.

Он был у меня вроде агента: выяснял, куда нам ехать, и следил за тем, чтобы я оказывался в назначенном месте в назначенное время.

Адам кивнул и пошел дальше по своим делам – уж не знаю куда. На занятиях мы с ним никогда не пересекались. Я даже не был уверен, что он действительно учится в «Истерне». Но пока он платил, мне было плевать, кто он и чем занимается.

Проводив Адама взглядом, Шепли прокашлялся:

– Ты уже слышал?

– О чем?

– В «Моргане» дали горячую воду.

– Ну и что?

– Америка и Эбби сегодня, наверное, уедут. Надо будет помочь им перевезти барахло в общагу.

Я сразу скис. Мысль о том, что Голубка возвращается в «Морган», была не многим приятней, чем удар кулаком в лицо. После сегодняшней ночи Эбби наверняка будет рада съехать. Может, даже и разговаривать со мной больше не захочет. В моем мозгу пронесся миллион разных вариантов развития событий, но я не смог придумать ничего, что помогло бы мне оставить Голубку у себя.

– Ты в порядке, старик? – спросил Шепли.

Пришли девчонки. Они над чем-то хихикали. Я попытался улыбнуться, но Эбби не обратила внимания, она увлеченно слушала трескотню подружки.

– Привет, малыш, – сказала Америка, целуя Шепли в губы.

– Над чем смеемся? – спросил он.

– Да так! Один парень все занятие пялился на Эбби. Это было просто чудо!

– Еще бы не чудо – целый час смотреть на Эбби! – подмигнул мне Шеп.

– Какой парень? – ляпнул я, не подумав.

Эбби переступила с ноги на ногу и поправила на плече рюкзак. Он был так набит книжками, что даже молния не до конца закрывалась, и весил, надо полагать, немало. Я взял его.

– Мерик сочиняет, – сказала Голубка, закатывая глаза.

– То есть как – сочиняю? Это был Паркер Хейс, и он пялился на тебя в открытую. Разве что слюни не текли.

Моя физиономия перекосилась.

– Паркер Хейс?

Шепли потянул Америку за руку:

– Мы, кажется, собирались пообедать. Пойдем посмотрим, чем нас сегодня порадуют наши распрекрасные повара.

Мерик снова его поцеловала, и они направились к столовой. Эбби следом, я за ней. Мы шли молча. Голубка вот-вот узнает, что в «Моргане» починили водонагреватель. Она вернется туда, и Паркер выманит ее на свидание.

Сомневаться не приходилось: этот слащавый хлюпик умудрился чем-то привлечь Эбби. У него были офигенно богатые родители, он учился на врача и с виду казался нормальным парнем. Ему удастся заполучить ее, и она проведет с ним всю оставшуюся жизнь. Я попытался представить себе это как можно яснее, чтобы быстрее успокоиться. Прокрутить неприятную мысль до конца, потом запихнуть в коробку и убрать подальше – я всегда так делал, когда нужно было справиться со своим темпераментом. Обычно помогало.

Эбби расположилась со своим подносом между Америкой и Финчем. Садясь на свободное место через несколько стульев от них, я подумал, что так даже лучше. Не придется болтать, как будто ничего не произошло. Я чувствовал себя паршиво и не знал, как мне теперь быть: слишком много времени потеряно на дурацкие игры. Эбби даже не успела меня узнать. Черт, а если бы и успела, тогда тем более выбрала бы кого-нибудь вроде Паркера.

– У тебя все хорошо, Трэв? – спросила она.

– У меня? Да. А что? – спросил я, пытаюсь стряхнуть тяжесть, которая сковала мне лицо.

– Просто ты все время молчишь...

К столу подошли несколько парней из футбольной команды. Уселись, гогоча во всю глотку. Захотелось садануть кулаком о стену.

Крис Дженкс бросил мне на тарелку ломтик картошки фри:

– Как дела, Трэв? Говорят, ты трахнул Тину Мартин? Сегодня она весь день поливает тебя грязью.

– Заткнись, Дженкс, – сказал я, не отрывая взгляда от своего подноса.

Если бы я только взглянул на тупую физиономию этого придурка, я мог бы не сдержаться и сбить его со стула. Эбби наклонилась вперед и посмотрела на нас:

– Перестань, Крис.

Я поднял на нее глаза и почему-то вдруг вышел из себя. Какого хрена она меня защищает, если соберется и уедет в ту же секунду, когда ей скажут про водонагреватель? Даже говорить со мной больше не станет! Это было нелепо, но я чувствовал себя преданным.

– Эбби, я сам могу за себя постоять.

– Извини, я просто...

– Не нужны мне твои извинения! И вообще ничего мне от тебя не нужно! – выпалил я.

Она изменилась в лице, и это меня добило. Ясное дело, она не хотела быть со мной. На кой ей инфантильный идиот, который владеет своими эмоциями не лучше, чем трехлетний пацан? Я шумно встал из-за стола и пулей выскочил на улицу.

Только усевшись на свой мотоцикл, я наконец-то перевел дух. Резиновые рукоятки руля закрипели под моими ладонями, мотор зарычал, я пинком убрал подножку и как черт из пекла вылетел на дорогу.

Я колесил с час, и мне немного полегчало. Когда я бывал в таком состоянии, все улицы рано или поздно приводили меня в одно и то же место. Некоторое время я боролся с собой, но в конце концов все-таки затормозил возле отцовского дома.

Папа вышел на крыльцо и махнул мне рукой. Я разом перескочил через обе ступеньки,

остановившись в шаге от него. Он прижал меня к своему мягкому округлившемуся боку и провел внутрь.

– А я как раз подумал, что ты давненько не заезжал, – устало сказал отец.

Лицо у него было одутловатое, верхние веки набрякли, под глазами мешки. После маминой смерти он несколько лет пил. Поэтому на Томаса свалилось гораздо больше забот, чем обычно бывает у детей. Но мы худо-бедно справлялись, а отец постепенно пришел в себя. Папа ни разу с нами об этом не говорил, но мы чувствовали, что он при каждом удобном случае пытается заглядить свою вину перед нами.

Хотя большую часть моего детства он пребывал в унынии или в ярости, я никогда не считал его плохим отцом. Просто смерть жены его подкосила. И теперь я представил себе, каково это. Возможно, я испытывал к Эбби крошечную долю того, что он чувствовал к маме, и все равно разлука с Голубкой выбила меня из колеи.

Папа опустил на диван и указал мне на старое кресло:

– Чего стоишь? Садись.

Я сел и принялся ерзать, не зная, как начать разговор.

– У тебя что-то случилось, сынок?

– Понимаешь, пап, есть одна девушка...

– Девушка... – повторил он с легкой улыбкой.

– Она меня вроде как ненавидит, а я ее вроде как...

– Любишь?

– Да нет... Не то чтобы... Просто... А почему ты так решил?

Он снова улыбнулся – теперь уже широко:

– Ну раз ты не знаешь, что делать, и приехал поговорить о ней со своим стариком, значит дело серьезное.

Я вздохнул:

– Мы познакомились совсем недавно. С месяц назад. Вряд ли это любовь.

– Ладно.

– Что – ладно?

– Поверю тебе на слово, – сказал папа.

– Понимаешь, по-моему, я ей не подхожу.

Отец подался вперед и поднес пальцы к подбородку. Я продолжал:

– Мне кажется, ее кто-то обидел. Кто-то вроде меня.

– Вроде тебя?

– Да, – кивнул я и вздохнул: меньше всего хотелось признаваться отцу в том, что я замышлял.

Хлопнула входная дверь.

– Посмотрите, кто пожаловал! – Трентон расплылся в улыбке.

К груди он прижимал два коричневых бумажных пакета.

– Привет, Трент. – Встав с дивана, я прошел на кухню, чтобы помочь разложить покупки.

Мы обменялись приветственными ударами локтем и толчками в плечо. В детстве, когда ссорились, мне доставалось от Трентона больше, чем от других братьев, но, несмотря на это, именно с ним у меня были самые близкие отношения.

[Купить полную версию книги](#)